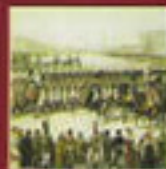

Г. А. ДЖАНШИЕВ

ЭПОХА
ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Том 2

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Григорий Джаншиев

**Эпоха великих реформ.
Исторические справки.
В двух томах. Том 2**

«Территория будущего»

2008

Джаншиев Г. А.

Эпоха великих реформ. Исторические справки. В двух томах. Том 2 / Г. А. Джаншиев — «Территория будущего», 2008

Григорий Джаншиев одним из первых начал изучение истории судебной реформы и вообще преобразований шестидесятых годов. Различным сторонам этой эпохи он посвятил несколько крупных монографий и написал ряд биографических этюдов о выдающихся деятелях крестьянской и судебной реформы. Свои статьи он собрал в книге «Из эпохи великих реформ», которое было подготовлено и издано к 30-летию Великих реформ (1891 г.) Далее в течении 16 лет книга выдержала десять изданий, что блестяще иллюстрирует ее популярность и значение. «Эпоха Великих Реформ» вышла в 1892 г. и выдержала с тех пор ряд изданий, при жизни автора постепенно дополнявшихся. Эта книга была весьма популярна не только среди видных судей, юристов и видных русских деятелей, но и среди зарубежной общественности и среди широких масс. Издание сыграло серьезную общественно-воспитательную роль как единственная история реформ царствования Александра II. Девятое издание, вышедшее в 1905 году, являлось одним из самых дополненных и пересмотренных, к тому же оно стало первым изданием Литературного Фонда.

© Джаншиев Г. А., 2008

© Территория будущего, 2008

Содержание

VI		5
	Глава восьмая	5
	I	6
	II	10
	III	13
	IV	18
	Глава девятая	22
	I	22
	II	25
	Глава десятая	27
	I	27
	II	30
	III	32
	IV	35
	Глава одиннадцатая	41
	I	41
	II	43
	Конец ознакомительного фрагмента.	45

Григорий Аветович Джаншиев

Эпоха великих реформ.

Исторические справки.

В двух томах. Том 2

VI

Судебная реформа

*Свобода там, где есть уставы,
Где добрый, не боясь, живет;
Там рабство, где законов нет,
Где гибнет правый и неправый.
Свобода мудрая свята!..*

Карамзин

Основные положения преобразования судебной части представляют такой громадный шаг по пути нашего общественного развития, что одна эта реформа сама по себе могла бы прославить нынешнее царствование и заслужить ему вечную благодарность всех грядущих поколений.

А.М. Унковский (1863 г.)

Во всяком государстве, будет ли в нем неограниченная или ограниченная форма правления, будет ли это монархия или республика, лучшая гарантия граждан – хорошие суды. Без правосудия, можно сказать, нет настоящей свободы, а при существовании его, смею сказать, нет места произволу или по крайней мере тирании.

Лероа-Болье

*...И на обломках произвола
Царит теперь закон!*

Ф. Кони (1866)

Глава восьмая

Судебные уставы императора Александра II¹

(Справка к 30-летию)

Пред нами вместо объемистого научного материала лежит небольшая книга нашего положительного законодательства – Судебные

¹ Более подробные сведения о судебной реформе и последних новеллах см. в книге моей «Основы судебной реформы». М., 1891. См. также предисловие к 5-му изданию этой книги.

Уставы. Скажем себе, и мы не ошибемся, с нас довольно этой книги, малой по объему, великой по содержанию. Начала, в ней приведенные и признанные всем человечеством, так высоки и чисты, влияния и последствия их так благодетельны для русской жизни, что дальнейшие их нам незачем и некуда идти.

Проф. М. Н. Муравьев (1875 г.)

Судебные Уставы даровали России итог того, до чего в течение целых столетий думалось человечество в области правосудия.

Из Сибир. речи министра юстиции Н. В. Муравьева (1897 г.)

I

Нынче в моде негодовать и поднимать на смех *радикализм* судебной реформы. Когда и почему, однако, получила она радикальный или рациональный характер, составляющий ее главную силу и преимущество, сравнительно с другими реформами?

Хотя бы мнение, пущенное в ход ретроградною печатью с реакционной эпохи Толстого, привыкло представлять дело в таком виде: до 1861 г., т. е. пока дело судебного преобразования находилось в надежных руках мудрого юриста николаевской эпохи гр. Д. Н. Блудова, все шло как по маслу. Предполагалось без «радикальной» ломки, без теоретических увлечений произвести преобразование, которое должно было внести некоторое усовершенствование в наше старое судопроизводство. С передачею же в 1862 г. руководства судебной реформой государственному секретарю, новообращенному либералу В. П. Буткову, и его главному помощнику С. И. Зарудному, либералу *pur sang*, происходит разительная перемена: являются новые люди (в том числе Н. А. Буцковский, Д. А. Ровинский, Н.И.Стояновский, К.П.Победоносцев), приглашенные по Высочайшему повелению в Государственную Канцелярию, и сразу все меняется. Все старые работы гр. Блудова отбрасываются в сторону, и новые реформаторы, не заботясь ни о «традициях» прошлого, ни об условиях среды, с изумительным легкомыслием сочиняют проекты из своей головы или, того хуже, «списывают» с иностранных кодексов или учебников законы, идущие вразрез с коренным строем русской жизни.

Словом, выходит так, что Судебные Уставы как бы в одно мгновение вышли из головы молодых юристов государственной канцелярии, как Минерва из головы Юпитера, но не во всеоружии зрелой мудрости, как это дивное создание великого олимпийца, а как недоношенный плод ребяческого недомыслия и политического легкомыслия. Такова ходячая версия о возникновении Судебных Уставов, настойчиво повторяемая в последнее время не только в летучих заметках реакционной прессы, но и в более обстоятельных журнальных статьях и даже в специальных монографиях.

Такого взгляда держался и запевало этой прессы, покойный Виктор Фукс, напечатавший в восьмидесятых годах длинный ряд статей о судебной реформе. По изложению автора оказывается, что до 1862–1864 гг. дело судебной реформы совершало свое покойное и стройное течение, направляемое таким опытным и сведущим кормчим, как высокопочитаемый им бывший начальник II отделения Е. И. В. канцелярии граф Д. Н. Блудов. На меже 1861–1862 гг. появились неведь откуда вандалы-либералы, и наступил конец «историко-органическому» направлению. Словно иступленные, набросились они «в детской резвости» на прекрасное создание гр. Блудова, на проекты II отделения, и, только переломав и исковеркав их во *имя радикальной доктрины*, они успокоились. «Эти осторожные и практичные проекты II отделения, – сетует Фукс, – были сданы в архив и были заменены в 1861–1864 гг. по инициативе теоретиков судебной реформы комбинациею, которая по своей *политической тенденциозности*, а еще более по своему *сантиментальному оптимизму*, не представляла никаких задатков

для правильного органического развития. Не коренясь в исторической почве, не соответствуя практическим условиям современной действительности, – продолжает автор, – эта комбинация представляла собою не усовершенствование наших *прежних форм и органов*, но нечто *совершенно новое, извращавшее* в конец законы (!) нашего исторического развития».

Итак, главная вина авторов судебного законодательства 1864 г., заключается в том, что они вопреки практическим, т. е. мудрым предначертаниям гр. Блудова вместо «усовершенствования старых форм» и сохранения старой «исторической почвы», увлекшись *радикальной доктриной*, легкомысленно внесли в нашу жизнь нечто совершенно новое и чуждое ей.

Такое тяжкое и по нынешним временам небезопасное обвинение отличается, однако, более страстностью, чем точностью, более предубежденностью, чем основательностью. Источник такого ходячего воззрения лежит в одном почти невероятном по своей грубости *недоразумении*, а именно *в незнакомстве с подлинными документами* судебной реформы, которое вводит в заблуждение даже людей, по-видимому, стремящихся отнестись к ней беспристрастно. Оно заслуживает того, чтобы на нем остановиться.

Вот где кроется если не источник, то повод к упомянутому недоразумению. Трудami одного из виднейших деятелей судебной реформы, знаменитого ее руководителя С. И. Зарудного, бывшего, можно сказать, ее душою, усерднейшим и преданнейшим ее деятелем с самого дня ее зарождения (см. дальше), давно уже собраны и рассортированы обширные *подлинные материалы*, легшие в основу великого законодательного акта 1864 г. Эти любопытные материалы, составляющие 74 тома (большинство *in folio*) «Дела о преобразовании судебной части в России»², дают самый надежный ключ к уразумению хода и исхода дела о преобразовании судебной части в России. Обширность и малодоступность этих драгоценных материалов служит причиною тому, что до сих пор они никем еще не обработаны должным образом.

Но, как известно, существует прекрасное и очень популярное издание в 4-х томах «Судебных Уставов с изложением рассуждений, на коих они основаны», заключающее массу ценных законодательных соображений и появившееся в свет благодаря трудам того же С. И. Зарудного. Однако само собою разумеется, что этот образцовый компендиум, изданный для повседневных надобностей судебной практики, эта, так сказать, судебная *vulgata* не может заменить знакомства с подлинными 74 томами «Дела о преобразовании судебной части в России». Для ежедневного практического обихода это популярное издание, известное под названием «Судебных Уставов с комментариями», представляет весьма удобное и незаменимое пособие для толкования их; но для полного ознакомления и правильного исторического суждения о всех фазах судебной реформы этого громадного предприятия, растянувшегося на протяжении шестнадцати лет, необходимо ознакомиться с подлинными документами, а не довольствоваться более или менее подробными извлечениями из них, приведенными в упомянутом издании государственной канцелярии.

Только при знакомстве с подлинным Делом уясняется настоящий *генезис* реформы³, выясняется движение и развитие идей, течений и правовых систем, влиявших на ход и постепенное развитие работ по судебной реформе. А иначе легко впасть в односторонность и ошибку, в которую впал и помянутый Виктор Фукс. В своей книге *Суд и Полиция* он повторяет свое прежнее мнение о том, что проекты Блудова 1857–1861 гг. отличались *благоразумною постепенностью* (?), «которая *не колебала* (?) установившегося порядка внезапными и всеобъемлющими переменами» и т. д. Словом, выходит опять вариация на старую тему, что, мол, до 1861 г. все шло благополучно, тихо и покойно; являются с 1861 г. либералы-теоретики, которые ломают проекты гр. Блудова, носившие «историко-органический» характер, и, запла-

² См. в н. к. моей: Опись этого дела.

³ Ст. II том «Дела о преобразовании судебной части в России». Общ. объясн. записки к пр. уст. гр. суд.

тив дань неуместному радикализму, открывают доступ в русское законодательство вредным чужестранным доктринам.

Такую «сказку о радикализме» судебной реформы, будто бы впервые появившемся с 1861 г., может сочинить только тот, кто абсолютно незнаком с историей судебной реформы, кто не видал ни одного тома подлинного «Дела о преобразовании судебной части в России» и только довольствовался беглым чтением извлечений, напечатанных в вышеупомянутом издании Судебных Уставов. Тот же, кто пожелает *sine ira et studio* познакомиться с подлинными материалами судебной реформы, неминуемо придет к заключению, что еще за четыре года до 1861 г., т. е. с началом нового царствования, происходит под влиянием духа времени *радикальный переворот* в направлении судебной реформы.

Говоря так, мы нисколько не умаляем великих заслуг деятелей судебной реформы периода 1861–1864 гг. и бесспорного громадного влияния на дальнейшее направление ее вечнопамятного освободительного акта 19 февраля. Великая хартия 1861 г., влияние коей прямо или косвенно отразилось на *всех* сферах законодательства и общественной жизни, конечно, оказала огромное влияние и на постановку судебной реформы. Мы не против той мысли возражаем, что с 1861 г. судебная реформа вступила в новый рациональный, либерально-научный фазис и что в это время были задуманы институты (например, суд присяжных), о которых до «воли» нельзя было и мечтать. Мы оспариваем лишь уверение, что только с этих пор судебная реформа в отличие от проектов гр. Блудова, будто желавшего «постепенного преобразования», получила *радикальный* характер. Нет, не теоретики 60-х годов, и не кто иной, как сам благонадежный практик гр. Блудов, принимавший участие в суде над декабристами и с этих пор весьма мало наклонный к радикализму, этот *sui generis* «дьяк в приказах поседельей», вникнув «в сущность дела», *первый* официально выкинул знамя *радикализма* и доказал необходимость решительного разрыва с прошлым, неизбежность полного изменения прогнившего насквозь, беспорядочного, бездейного старого судебного строя, от которого ничего нельзя было сохранить без ущерба для реформы.

Как ни парадоксально на первый взгляд защищаемое нами положение, но бесстрастные подлинные документы, исходящие от гр. Блудова, с очевидностью убеждают, что как раз именно он, осторожнейший из осторожных постепенцев, всегда державшийся девиза *festina lente*, был родоначальником *радикального* направления судебной реформы и пропагандистом *полного разрыва* с мнимыми «законами исторического развития». В этом отношении особенно поучительна большая объяснительная записка (149 печатных страниц) графа Блудова от 1857 г., с которою не мешает познакомиться тем, которые привыкли неумеренно восторгаться работами его и клясться ими, как *in verba magistris*, без достаточного знакомства с ними.

В этой любопытной записке мы находим обстоятельные сведения о том, как этот завзятый поклонник «частичных улучшений» (припомним его Уложение 1845 г., которое он не без авторской гордости называл «усовершенствованным сводом») должен был отступить от своего возлюбленного образа мыслей и действий. Гр. Блудов с полною искренностью сознается и как бы кается в том, что «ближайшее знакомство с сущностью порученного ему дела» заставило его совершить акт грехопадения и выступить на путь *радикальной* реформы. Во избежание обвинения в неправильном истолковании слов графа, считаем не лишним привести *in extenso* некоторые места из этого замечательного и по форме, и по содержанию документа.

«С первого взгляда может показаться, – говорит гр. Блудов, – что было бы достаточно ограничиться лишь некоторыми *частными исправлениями* (как кажется и ныне, задним числом, реакционным критикам судебной реформы!) нынешнего порядка производства дел гражданских, например, лучшим надежнейшим доставлением вызовов суда, точнейшим назначением сроков для разных действий как тяжущихся, так и судебных мест и Канцелярий их (NB. прописная буква в подлиннике), установлением яснейшей удовлетворительнейшей формы для докладных записок, сокращением сроков апелляционных, уменьшением числа бумаг, прини-

маемых от тяжущихся, и т. п. Сей образ действия при исправлении узаконений о производстве имеет и должен иметь многих защитников, ибо оному удобнее и легче следовать на практике. Сверх того, как обыкновенно, а в большей части случаев и справедливо замечают, успех вводимых постепенно и медленно преобразований вероятнее и надежнее. *Мне также казалось* при начале моего труда, продолжает граф, что можно бы было улучшить наше судопроизводство гражданское посредством исправления лишь некоторых отдельных одного постановлений. Но чем *тщательнее* я вникал в сущность порученного мне Высочайшим доверием дела, рассматривая с разных сторон все неудобства нынешнего порядка судопроизводства гражданского, а с тем вместе *причины* и, буде смею употребить сие слово, самое *происхождение* (курсив в подлиннике) сих неудобств, имея притом в виду, что между всеми постановлениями существует естественная, *неразрывная связь*, тем *очевиднее и сильнее мне представлялась истина* (слушайте!), уже признанная многими сведущими и опытными по сей части людьми, что *чрез частные* изменения *мы не только не достигнем желаемой*, указанной нам *цели*, но едва ли даже в некотором отношении *не удалимся* от нее. Дабы исправить надлежащим, удовлетворительным образом наши узаконения о производстве дел гражданских, не довольствуясь усовершенствования той или другой из сторон одного, надобно стараться устранить *причины зла*, т. е. беспорядков в самом *их корне*; а для сего необходимо принять другую, *совершенно отличную* от настоящей системы, основанную на тех общих, *непреложных началах*, без коих не может быть правильного судопроизводства гражданского в строгом смысле слова... Нам в особенности, говорит дальше гр. Блудов, нельзя и думать о каком-либо усовершенствовании сей части нашего законодательства без изменения *самой основной мысли* ее, без принятия не только *отличных*, но до некоторой степени *противных* ей начал»⁴.

Что и требовалось доказать!

Приведенная выписка, кажется, достаточно ясно показывает, какими причинами обусловливался *радикализм судебной реформы*, который ставится ныне в вину «легкомысленным либералам 60-х годов», и кто именно был его родоначальником. Источник радикализма лежал не в том, что эти последние питали «влечение, род недуга» к либерализму и доктрине, а в самом свойстве задачи, поставленной судебной реформе. Если уж такой Фабий Кунктатор, как гр. Блудов, считал необходимою ломку *всего* старого, да вдобавок в самой консервативной части процесса, в гражданском судопроизводстве, это доказывает, что оно прогнило насквозь.

Вот к какому заключению приводит беспристрастное исследование подлинных источников судебной реформы. *Радикализм* судебной реформы вызывался сознанием негодности всего старого процесса, с очевидностью для всех обнаружившейся ко второй половине 50-х годов, к началу нового царствования, когда впервые обнаружилось и много других язв дореформенного строя жизни, прикрытых дотоле лаком «официальной лжи». Да, невероятно, но это бесспорный факт: в эту «эпоху всеобщего просветления умов», которое доктринеры застоя называют теперь «эпохою умопомрачения», настолько для всех выяснилась необходимость коренной реформы всей судебной системы, что сам бесстрастный представитель ортодоксального консерватизма, гр. Блудов, выступил поборником «коренного» изменения процесса, на защиту которого мог выступить только такой закоснелый обскурант, как гр. Панин. Мало того, сам Катков, впоследствии обвинявший в государственной измене составителей Судебных Уставов, был в те времена, *incredibile dictu*, знаменосцем радикализма в судоустройстве и не обинуясь высказывал такие еретические мысли: «Иные думают, что правило благоразумия *будто бы* требует не вдруг заводить хорошее, но понемножку и по частям. У этих людей всегда на языке незрелость общества, неразвитость народа и т. п. Они думают, что дело пойдет лучше, если давать лучшее устройство понемногу. К сожалению, они забывают, что всякая система может развиваться и принести пользу *только тогда*, когда взяты ее начала во *всей их истине и полноте*. Отрывоч-

⁴ См. «Дело о преобр. суд. части». Т. II; Общ. объясн. записка в уст. гражд. судопр. С. 4, 5, 8.

ная частица не только не принесет пользы, но причинит существенный и, быть может, *неоправимый вред*»⁵.

После сказанного ясно, насколько справедливо уверение Виктора Фукса, что проекты гр. Блудова 1854-61 годов отличались «благоразумною *постепенностью*, которая не колебала (!) установившегося порядка внезапными и всеобъемлющими реформами, тогда как на самом деле *ipsissima verba* гр. Блудова доказывают как раз обратное, свидетельствуя, что он *вынужден* был отказаться от мысли о «частичных улучшениях» и рекомендовать принятие «совершенно отличной от настоящей системы судопроизводства», основанной на *противных* ей общих, т. е. теоретических *непреложных началах*». И после этого еще решаются утверждать, что гр. Блудов был далек от «теоретических экспериментов!»

Так идеализирует Фукс все вышедшее из-под пера гр. Блудова. Ну, идеализация проектов гр. Блудова еще куда ни шла! Но мы не можем постичь, как можно упрекать деятелей 60-х годов «в сантиментальном оптимизме» и в то же время самому идеализировать наш столь печальной памяти «старый суд», как это делает Фукс, уверяя, что «не во всем объеме и не во всех традициях (*sic*) старый суд должен был быть заменен новым».

Без сердечной, горячей, пожалуй, наивной веры в силу добра и разума или, если угодно, без «сантиментального оптимизма» не совершалось никогда ничего великого, благотельного в истории. Таким образом, против идеализации или оптимизма веры в будущее нельзя восставать. Весь вопрос только в том, каков *объект* этой идеализации. Но едва ли в этом отношении деятели 60-х годов впали в ошибку, избрав объектом идеализации или «сантиментального оптимизма», – как выражается Фукс, – те великие идеи, учреждения и традиции, которыми дорожит и гордится все цивилизованное человечество⁶, а не те традиции «старого суда», которые идеализирует сам Фукс, того самого суда, при одном воспоминании о котором, по справедливому замечанию знатока старых судебных порядков И. С. Аксакова, «волос встает дыбом, мороз дерет по коже». Идеализация старого суда – это такое же патологическое явление, как апология плети и крепостного права, до которой договорились, наконец, ныне, откровенные до бесстыдства, крепостники.

II

Наш нормальный путь не подражание, а разумное применение общих начал, выработанных юридической наукою.

Н. А. Буцковский

Обращаемся к истории составления Судебных Уставов. В течение всей почти двадцатилетней подготовки своей, судебная реформа шла мимо того самого ведомства, которое непосредственно было заинтересовано в реформе судебных учреждений, – мимо Министерства юстиции. Объясняется это помимо общих причин тем, что с 1832 г. во главе министерства стоял «нескладный видом, идеями и деяниями», по выражению Валуева, гр. В. Н. Панин, холоп в душе и вместе с тем деспот, выше закона и правосудия ставивший причуды своего сумасбродного произвола и обозленной фантазии, ярый защитник крепостного права, плетей, клеймения, цензуры, словом, окаменелый консерватор, типичнейший представитель тридцатилетнего тупого коснения, при всеобщем безмолвии провозглашавший для самоуслаждения, согласно принципам «официальной лжи»: «все обстоит благополучно»⁷.

⁵ См. *Русский Вестник*, 1860. № 2. С. 304–311.

⁶ См. Лероа-Болье. «L'empire des Tzars», II, 291, 292.

⁷ За весь 30-тилетний период (1832–1862) гр. Панин, низведший до нуля значение сената и, прикрываясь именем Государя, хозяйничавший бесконтрольно, при содействии своего директора и l'homme pour tout faire Топильского (см. выше главу I, § 1), в судебном ведомстве, как в своей вотчинной конторе, – не провел *ни одной* значительной реформы по судебному ведомству. –

Работы по судебному преобразованию находились в руках главноуправляющего II отделением Е.И.В. канцелярией, гр. Д. Н. Блудова. Одновременно с составлением проекта Уголовного Уложения 1845 г. начаты были подготовительные работы и по улучшению гражданского процесса. В 1843 г. гр. Блудов затребовал от членов судебного ведомства замечания о доказанных практикою недостатках действующего судебного законодательства и, на основании полученных сведений, составил «предложение» о некоторых необходимых улучшениях. Не трудно догадаться о характере их. В это время всеобщего умственного гнета и законодательного застоя, время боязни пред решительными преобразованиями и пристрастия к полумерам, заплатам на старом рубище, предложенное гр. Блудовым мероприятие также носило чисто паллиативный характер (стало быть, вот к какому заскорузлomu времени относится план «частичных реформ», рисующийся в таком обольстительном свете Фуксу и его единомышленникам!). О необходимости полного переустройства и дезинфекции зараженного насквозь здания старого тайного суда, известного всем своею чудовищною продажною невероятным невежеством, бесконечной волокитой, никто и не думал, менее же всех министр юстиции гр. Панин.

Гр. Блудов ограничивался проектированием второстепенных технических улучшений, вроде: отмены рукоприкладства, указания секретарем «приличных к делу» законов, сокращения числа инстанций и т. п. Он входил по этим предметам в бесконечную переписку с тогдашним министром юстиции гр. В. Н. Паниным, который, находя «новшества» слишком смелыми «теоретическими» (sic) увеличениями, с неустанною энергиею отстаивал каждую мелочь действующего процесса, как драгоценное наследие «столетнего творчества» (вот, наконец, объявились те пресловутые подъяческие «законы исторического развития», нарушение которых ставят реакционеры в вину судебной реформе!).

Гр. Блудов, догадавшись, что из этой бесплодной переписки, что из этого «труда, тяжкого до бесконечности», не может выйти ничего путного, решил махнуть рукою на неизлечимого маньяка гр. Панина⁸ и сосредоточить дело судебного преобразования при состоящем под его

Все почти мероприятия гр. Панина касались канцелярского распорядка и сокращения письменной работы, но они были так целесообразны, что скорее увеличивали, чем уменьшали переписку. Чтобы справиться как-нибудь с непосильной работою, канцелярии (даже в сенате) должны были нанимать писцов на стороне и собирать контрибуцию с публики. – Некоторые же «реформы» отличались таким нелепым характером опереточной буффонады, что после первого удовлетворения каприза гр. Панина, отменялись, как неисполнимые. – Так, по обнаружении подлога в одном аттестате, гр. Панин приказал не иначе принимать на службу, как по предварительной проверке подлинности аттестата, а для этого иной раз в течение целого года нужно было вести переписку. – Сведая откуда-то, что в московском сенате бумага обходится дорого, граф приказал делать заготовки в Петербурге, для чего бумага должна была сначала доставляться из Москвы в Петербург, а потом из Петербурга обратно в Москву. – Желая воспретить чиновникам ведение *чужих* дел в своих судах, он исходатайствовал Высочайшее повеление, коим чиновникам воспрещалось, без разрешения начальства, ведение *их* собственных дел во всех судах. – Признав необходимым, чтобы в записках иностранные документы печатались в подлиннике, гр. Панин поставил в безвыходное положение сенатскую типографию. Для удовлетворения причуды гр. Панина, – а все его приказы были святы, как законы или, вернее, как должны быть святы законы, – пришлось за набор английского текста заплатить 1000 р. из казны и т. д. (См. *Голоса из России*. Вып. VII). – Будучи сам противником всяких «новшеств», гр. Панин и на других новаторов смотрел подозрительно, зная хорошо, что всякая серьезная реформа, а особенно введение гласности, должны положить конец его бесцеремонному топтанию ногами закона. – При Николае I существовала в 1850 г. комиссия для принятия радикальных мер к упрощению производства и, между прочим, предлагалось освободить суд от наблюдения за исполнением решений. – *Catilina ante portam*, примечательно гр. Панину ввиду этой «ужасной» реформы. Сначала он старался повлиять на членов комиссии, но, потерпев фиаско, он сделал императору Николаю I доклад, в котором доказывал, что тут кроется революционное начало. Этого было довольно: комиссия прекратила свое существование. – Когда в сентябре 1857 г. *Русский Вестник* впервые заговорил о гласности судопроизводства, то гр. Панину показалось, что приближается конец мира. Вследствие его всеподданнейшего доклада состоялось повеление не пропускать таких *возмутительных* статей. – Гр. Панин не ошибся: статья катковского журнала предвещала конец, но не мира, а самовластного попираания самодуром гр. Паниным законов. – Впоследствии также не раз он требовал примерного наказания цензоров за пропуск таких статей. Однажды на замечание попечителя округа, что нужно, прежде чем наказывать цензора, потребовать от него объяснения, у министра юстиции гр. Панина повернулся язык высказать такую чудовищную сентенцию: «Сначала наказать, потом потребовать объяснения». (Никитенко, II, 120). Калмыков, бывший сослуживец гр. Панина, вопреки общеизвестным историческим данным, старался реабилитировать своего принципала, выставляя его даже сторонником освобождения крестьян. (*Русс. Стар.*, 1887. № 10 и след.).

⁸ Чтобы лишний раз доказать, до чего доходил тупой консерватизм гр. Панина, приведем данные о ревизии петербургского

главным управлением II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. С этой целью он исходатайствовал в 1850 и 1852 годах Высочайшие повеления об учреждении при II отделении комитетов для составления проектов уставов уголовного и гражданского судопроизводства. В состав гражданского комитета вошли – товарищ министра юстиции Илличевский, сенаторы Веймарн, Губе (потом член Государственного совета), Карниолин-Пинский, член консультации Министерства юстиции Карцев, замененный впоследствии обер-прокурором I департамента сената Любошинским. Делопроизводителем был назначен астроном по образованию и юрист-самоучка, впоследствии знаменитый цивилист С. И. Зарудный, вложивший впоследствии всю свою душу в дело судебной реформы и так много сделавший в последний фазис ее развития⁹.

Не трудно сообразить, чем бы окончились труды этого комитета, если бы они были доведены до конца. По всей вероятности, мы получили бы опять новый образчик «усовершенствованного Свода» наподобие Уложения 1845 г., т. е. компромисс и компиляцию старого и нового, лишенную цельности, последовательности и, стало быть, жизнеспособности. Но до окончания работ комитета произошло событие, сообщившее реформе *новую* силу и окраску и вообще вдвинувшее дело судебной реформы в новый фазис.

Наступивший в обществе, вслед за воцарением императора Александра II, нравственный и умственный подъем, так сильно сказавшийся на всей политической и умственной жизни русской, сказался и на работах Блудовского комитета.

Встрепенулся и воспрянул духом и старый либерал и бывший «арзамасец» Д. Н. Блудов, восторженно рукоплескавший некогда словам Александра I, что «либеральные начала одни

надворного суда 1843 г., при водимые в записках бар. Корфа. (*Русск. Стар.*, 1899 г. № 10). Эссен долго стоял во главе петербургского управления, более двенадцати лет. Назначенный министром внутренних дел Перовский произвел в 1842 году ревизию губернских учреждений. В особенно ужасном состоянии оказался *надворный суд*. В нем скопилось огромное количество нерешенных дел. Для того, чтобы покончить с этими делами, повелено было назначить в надворный суд новый комплект членов и секретарей, поручив им все новые дела, а прежний состав был оставлен для разбора старых дел с тем, чтобы они покончили все в два года; если же этого они не исполнят, они будут лишены жалования. Но оказалось, что два года прошли, а дела все не были кончены, и, по-видимому, судьи находили для себя выгодным продолжать разбор дел даже и без жалованья. Подобная ревизия представила положение дела в ужасном виде. Не будем указывать здесь подробностей, но приведем общий отзыв, какой делается Корфом. Картина, вскрытая ревизией, «была тем ужаснее, что место действия происходило в столице, в цензуре управления, почти *окно в окно с царским кабинетом* и еще в энергическое управление императора Николая I, и после взгляда на нее, конечно, уже трудно было согласиться с теми, которые находили явившийся незадолго перед тем *“Мертвые души”* Гоголя одною лишь преувеличенною карикатурой. Сколько долговременный опыт ни закалил престарелых членов Государственного совета против всевозможных административных ужасов, однако, и они при докладе этого печального дела были сильно взволнованы и, так сказать, вне себя. Что же должна была ощущать тут юная, менее еще ознакомленная с человеческими жертвами душа цесаревича наследника! Слушая наш доклад с напряженным вниманием, он беспрестанно менялся в лице»... Государственный совет решил принять строгие меры к упорядочению делопроизводства в столичном надворном суде. На заседании присутствовал Эссен и все время молчал, и только после заседания говорил Корфу в свое оправдание, что и в других судах столицы такие же беспорядки, «а в управе благочиния, может статься, еще хуже». Продолжаем выписку из рассказа Корфа: «Журнал был написан мною со всем жаром того справедливого негодования, которое выражалось между членами, и я с горестным любопытством ожидал, когда и как сойдет мемория от Государя, скорбя вперед о впечатлении, которое она произведет на его сердце. Действительно, посвятить всю жизнь, все помыслы, всю энергию мощной души на благо державы и на искоренение злоупотреблений, неуклонно стремиться к тому в продолжение 17-ти лет; утешаться мыслью, что достигнут хотя какой-нибудь успех, и вдруг – вместо плода всех этих попечений, усилить целой жизни, жертв и забот – увидеть себя перед такою зияющею бездной всевозможных мерзостей, открывшеюся не сегодня, не вчера, а образовавшейся постепенно, через многие годы, неведомо ему, перед самым его дворцом – тут было от чего упасть рукам, лишиться всякой бодрости, всякого рвения, даже впасть в человеконенавидение... Это глубокое сокрушение и выразилось, хотя кратко, но со всем негодованием обманутых чаяний в собственноручной резолюции, с которою возвратилась наша мемория. «Неслышанный срам! – написал государь, – беспечность ближнего начальства неимоверна и ничем неизвинительна; мне стыдно и прискорбно, что подобный беспорядок существовать мог почти под глазами моими и мне оставаться неизвестным». Какие же были результаты ревизии? Шушера, вроде членов надворного суда, была прогнана. Эссен был отставлен генерал-губернатором, но чрез несколько времени он получил награду, причем Николай I сказал, что не Эссен, а он сам виноват, что держал его на месте. А что же дальше? – Ничего. Ни министру юстиции, ни кому другому не приходит в голову, что нужно же устранить повторение подобных безобразий... Реформа, сохрани Боже! Поахали немного и перевернулись на другой бок: все обстоит благополучно, а злоупотребления предупредят жандармские офицеры...

⁹ См. книгу мою: «С. И. Зарудный и судебная реформа». М., 1888, ниже главу Зарудном.

могут служить *основой счастья народов*». Казалось, тридцатипятилетний реакционный режим (1820–1855), под которым прошла вся почти государственная деятельность гр. Блудова, должен был до конца вытравить в нем все зачатки либерализма; однако, вышло иначе, и при первом же благоприятном для них веянии, они воспрянули к новой жизни, конечно, в той мере, как это возможно было у человека преклонных лет. В 1857–1860 гг. граф Блудов дал сильный толчок работам по судебной реформе и внес в Государственный совет Устав гражданского судопроизводства, Положение о присяжных поверенных, Устав уголовного судопроизводства, и, наконец, Устав судоустройства. Сравнительно с паллиативными предположениями 40-х годов гр. Блудова проекты его 1858–1860 годов составляли громадный, почти разительный шаг вперед. Даже в области наиболее консервативной, в гражданском процессе, намечены были довольно радикальные изменения сообразно требованиям «непреложных начал юридической науки»¹⁰.

В числе этих «непреложных начал», принятых в руководство гр. Блудовым, были: почти полное отделение власти судебной от административной, уничтожение канцелярской тайны и введение адвокатуры, гласности и устности, так пугавшей гр. Панина (см. выше), введение состязательного процесса и учреждение сословия присяжных поверенных, решение дел по существу только в двух инстанциях и пр. В уголовном процессе предлагалось: устранение полиции от производства следствия, введение устности, состязательности, упразднение следственного начала, введение обвинительной системы и института защиты, значительное ослабление теории законных доказательств и представление некоторого простора судейскому убеждению, уничтожение сословных судов и пр. Таковы были те новые и противные действовавшему тогда законодательству «непреложные общие начала», введение которых считал необходимым граф Блудов. Применение *некоторых* «непреложных начал» стало возможным для графа Блудова только благодаря тому прогрессивному направлению мысли, которое охватило наши правительственные и общественные круги во второй половине 50-х годов после падения Севастополя, кровавая и геройски-мучительная эпопея коего бросила столь печальный и поучительный отблеск на господствовавшую в России дотоле систему управления.

III

Публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобождение суда от администрации... Если бы в прежние времена вздумал бы кто только пометать о подобных вещах, и мечта его как-нибудь вылетела бы из его уст-тот был бы сочтен за сумасшедшего или за государственного преступника.

А.В. Никитенко (1862 г.).

В 1861–1862 годах судебная реформа делает новую и последнюю эволюцию по пути развития «непреложных общих начал», вызванную объявлением «воли». Великий акт освобождения крестьян оказал частью прямое, частью косвенное, но в общем громадное воздействие на дальнейшее движение и ускорение этого преобразования. Воздействие это заключало в себе весьма определенное содержание и мысль, а не имело такого утрированного не то метафизического, не то мистического значения, по смыслу которого, как уверяют «самобытники», Положение 19 февраля имело и должно иметь влияние на *все* будущие времена и на *все* наши преобразования¹¹.

Вот в чем выразилось прямое влияние 19 февраля. Для многомиллионного населения «вчерашних рабов», впервые возвративших себе, благодаря освободительному акту 19 фев-

¹⁰ См. т. II Дела о преобр. судебн. части Общ. Объясн. Зап. С. 3–6.

¹¹ См. «Освобождение крестьян» Н. П. Семенова. С. 1–3, XII.

раля, гражданские права, необходимо было взамен уничтоженного *помещичьего суда*, если только возможно назвать судом этот варварский произвол, учредить государственный суд. Косвенное же воздействие «дела 19 февраля» было то прогрессивное воодушевление и гуманное настроение, которое вызвало благополучное окончание этого громадного предприятия и которое влило новые силы в передовых деятелей того времени. «Если бы в 1861 году не состоялось по воле Самодержца Всероссийского освобождение крестьян *с землею*, – пишет в своих автобиографических заметках важнейший авторитет по истории судебной реформы, С. И. Зарудный, – то *ни в каком случае* не были бы утверждены 20 ноября 1864 года Судебные Уставы. При крепостном праве, – продолжает он, – в сущности не было надобности в справедливом суде. Настоящими судьями были тогда только помещики; над ними господствовал высший своевольный суд. Помещики не могли ему не покоряться; но в их руках сосредоточилась власть над большинством народонаселения. Крестьяне расправлялись с помещиками судом Линча. После 19 февраля и высшие наши сановники сознали, что появилась безотлагательная необходимость в суде скором и справедливом»¹². Наконец, огромное идейное значение отмены крепостного права заключалось в том, что она, будучи вызвана протестом во имя права и человеческого достоинства, давала удовлетворение требованиям свободной личности. Пока крепостное право тяготело бы хоть над одним человеком, не могло быть речи о *праве* русского гражданина. Только с 61 года установлены были первые элементы *правового* порядка, и потому вслед за этим стал на ближайшую очередь вопрос о разумной, рациональной организации первой опоры и охраны правового порядка—*независимого суда*.

Отметив общий характер влияния освобождения крестьян, перейдем теперь к подробностям.

События развивались в таком порядке. Осенью 1861 года вернулся в Петербург из Крыма император Александр II, бодрый, веселый, довольный, удовлетворенный, счастливый, – счастливый тем особым и великим счастьем, которое дает лицам, располагающим судьбами народов сознание исполненного долга и твердого выполнения завещанной историей, трудной, но благородной миссии. Гений свободы и гуманности, несмотря на промахи управлявшего в отсутствие Государя Верховного Совета, несмотря на «зигзаги» русского прогресса¹³, витал в то время над Россией. Политический барометр, невзирая на беспрестанные колебания, частенько от «переменно» подходил к «ясно». Благородное воодушевление, чувство внезапно, но – увы! – не надолго, вспыхнувшего «конфуза», жгучего стыда пред историей, сознание нравственного долга «кающегося дворянина» пред «меньшею братиею» создавали в обществе неудержимое стремление обновить старый крепостной строй жизни, державшийся только на насилии, произволе и беззаконии. Чего-чего только нельзя предпринять и быстро и удачно выполнить при таком бодром и гуманном настроении, которое только очерствелому, злему рабовладельческому сердцу современных крепостников может казаться временем белой «горячки»¹⁴..

Тотчас по возвращении в Петербург, Государь пожелал узнать, в каком положении находится дело о судебном преобразовании. Государственный секретарь В. П. Бутков во всеподданнейшей записке указывал на встреченные государственною канцеляриею затруднения при докладе составленных гр. Блудовым в разное время и не согласованных между собою проектов Уставов гражд. и угол, судопроизводства и судоустройства и высказал, что детальному рассмотрению означенных проектов должно предшествовать «определение и утверждение *основных начал*» предполагаемого судопроизводства. Доклад В. П. Буткова был высочайше одобрен, и в исполнение состоявшегося на основании оногo высочайшего повеления, был изготовлен 19 октября 1861 г. В. П. Бутковым по соглашению с председателем в Государственном совете гр.

¹² *русская Старина*, 1888. № 9.

¹³ См. Лероа-Болье. *Un homme d'etat*, 116, 87.

¹⁴ См. статью г. Григорова: «Кое-что о мировом суде». *Моск. Вед.*, 1889. № 35.

Д. Н. Блудовым новый и более подробный доклад о *порядке, рассмотрения* в Государственном совете проектов судебного преобразования. 23 октября 1861 г. уже состоялось Высочайшее утверждение этого доклада, вдвинувшее дело судебного преобразования в третий и последний фазис его развития.

Вместе с тем признано было неудобным поручить в этой новой стадии дела руководство им старому, даже очень старому, кормчему его, гр. Глудову (ему минуло в 1862 году 77 лет). Новое вино опасно было вливать в старые мехи. По всему видно, что это чувствовалось всеми, не исключая и самого графа Блудова, которого с этих пор почтительно, но явственно удаляют с поста, более несоответствовавшего его положению и силам. Эту цель и преследовал, между прочим, означенный доклад, принадлежавший перу вышеупомянутого С. И. Зарудного, состоявшего в 1856 году статс-секретарем департамента законов Государственного совета.

Сущность названного доклада сводилась к тому, что поручалось государственной канцелярии, сообща с «прикомандированными к ней юристами», извлечь из блудовских проектов, составленных при II отделении Его Императорского Величества канцелярии, «главные основные начала». С официальной точки зрения перемена была небольшая. В работах государственной канцелярии должны были принимать участие также и чиновники того же II отделения и Министерства юстиции, и даже номинальное «высшее наблюдение» оставалось за гр. Блудовым. Но в действительности дело судебной реформы явственно выступало на новый, более рациональный путь. Инициатива и главное руководство им заметно переходило к В. П. Буткову (протее же гр. А. Ф. Орлова, недавно еще ярому крепостнику, но с 1861 г. со всеми своими *armes et bagages* перешедшему в либеральный лагерь) и его главному сотруднику С. И. Зарудному, при деятельном участии новых, свежих сил «прикомандированных юристов»: Н. А. Буцковского, Н. И. Стояновского, Д. А. Ровинского, К. П. Победоносцева, А. М. Плавского, и чинов государственной канцелярии: П. Н. Даневского, С. П. Шубина и А. П. Вилинбахова. Одно уже привлечение к делу «юристов» как таковых, т. е. как представителей «права», а не просто чиновников «законоведов»¹⁵, свидетельствовало о том, что в официальных сферах «новое начало», юридическая наука, «право», сделало довольно серьезное завоевание на счет и в ущерб традиционной табели о рангах и «законоведения». Оставалось закрепить это ценное завоевание и обеспечить «прикомандированным юристам», воодушевленным гуманными и либеральными стремлениями, возможность широкого общения с юридической наукою. Этот шаг не заставил себя долго ждать.

Уже к концу 1861 года «юристы» живо разобрали Блудовские проекты и нашли в них то, что и следовало ожидать. Извлеченные «основные начала» показали, что проекты не согласованы между собою и что необходим пересмотр и полная переработка их на основаниях научных или на основании тех «общих непреложных начал», о которых писал гр. Блудов еще в 1857 г., но провести которые пришлось другим.

С начала 1862 года гр. Блудова сменяет, по должности председательствующего в Государственном совете, кн. П. П. Гагарин (тоже крепостник и автор известного «нищенского» надела, также плывший в это время по фарватеру либерализма), и с этих пор гр. Блудов окончательно сходит со сцены. Но к чести его нужно заметить, он не счел уместным держать оппозицию *quand tème* тем «новшествам», которые проникли после него в судебную реформу, и, считая их появлением естественным развитием начатого им дела, принял их просто и без протеста.

Первым делом кн. Гагарина было исходатайствовать «юристам» официальное разрешение на полную свободу действий и возможность свободного пользования вышеупомянутыми «непреложными началами», т. е. указаниями науки и практики цивилизованных народов. Разрешение это было дано знаменательным Высочайшим повелением от января (число, к сожалению,

¹⁵ Наш маститый юрист П. Г. Редкин в вышедшей незадолго до его смерти книге своей отмечал, что до Устава 1863 г. профессорам строжайше предписано было заменить слово «правоведение» – «законоведением». См. выше главу IV.

нию, неизвестно) 1862 года, где впервые вещи названы их собственными именами. Этот первоисточник для истории русского процесса и прогресса документ гласил: «Изложить в общих чертах соображения Государственной Канцелярии и прикомандированных к ней юристов о тех главных началах, *несомненное достоинство* коих признано в настоящее время *наукою и опытом европейских государств* и по коим должны быть преобразованы судебные части в России».

Рубикон был перейден! Китайская стена, отделявшая в течение сорока пяти лет наши законодательные сферы от непосредственного воздействия европейской науки и современного прогресса, пала. Начала европейского публичного права и науки, проникавшие к нам дотоле контрабандным путем (слово «прогресс» было формально запрещено еще в 1858 г.) или в виде замаскированных анонимов (как, например, «общие непреложные» начала у гр. Блудова), получили, наконец, открытый доступ и к нашей законодательной практике. Благодаря этому крупному событию, а также господствовавшему в то время в русском обществе либеральному настроению, сделан был тот последний, логический шаг, без которого предпринятое гр. Блудовым 20 лет перед тем дело судебной реформы осталось бы на полпути и недоделанным.

«Юристы» 1862 г. возымели благородную решимость сделать этот окончательный шаг, который иным казался чересчур рискованным. Веря в здравый смысл русского народа, крепость русской культуры и воспитательную силу хороших учреждений, либеральные юристы решились, например, предложить суд присяжных, который, так сказать, навертывался на языке у гр. Блудова, но который он не имел решимости открыто выставить. В составленных юристами «главных началах» мы видим не скачки и не бред буйной теоретической мысли, как иные думают, а только *логическое развитие* институтов, раньше намеченных. Это лучше всего можно показать на примере самого важного нововведения, на суде присяжных, предложенном Заруднинскою «могучею кучкою».

Враги судебной реформы привыкли твердить, что суд присяжных был введен у нас из слепого подражания иностранным образцам и по мотивам чисто политическим. Мнение это лишено всякого основания. Что касается подражательности, то вот как смотрели «юристы» 60-х годов на вопрос о заимствовании: «Наш нормальный путь, – говорят они, – *не подражание, а разумное* применение общих начал выработанных юридическою наукою». Что же касается политической стороны этого института, то ее тщательно устраниают они из нашего суда присяжных, настаивая на мотивах исключительно юридических¹⁶.

В чем же они состояли? Вот путь того рассуждения, который побудил «юристов» государственной канцелярии сделать из посылок гр. Блудова логические выводы. Гр. Блудов, признавая теорию «законных доказательств» несостоятельною, не решился однако вполне отказаться от нее и остановился на компромиссе. «Юристы», основываясь на трудах германских юристов Кестлина, Генна, Пухты, Гагена, Буштеля, Бринкмана, Молинара, Миттермайера и др., пришли к заключению, что тут нет середины, *tertium non datur*, что или должна быть строгая легальная регламентация силы доказательств, обязательная для судей, или им должен быть предоставлен путь оценки доказательств по внутреннему убеждению. Отвергнув теорию «законных доказательств» на основании указаний науки и нашей собственной практики (эта сторона дела особенно тщательно разработана в записке Д. А.Ровинского (см. ниже), прекрасно знакомого с судебною практикою по должности московского губернского прокурора) и признав необходимость решения вопроса о виновности по убеждению судей, юристы переходят к вопросу о судоустройстве. Они указывают на то, что наши старые судебные заседатели не приносили никакой пользы и были простыми ширмами или пешками в руках секретарей, так как должны были решать не только вопрос о виновности на основании теории доказательств, но и применять законы о наказаниях. Вследствие этого «юристы» признают нужным предоставить заседателям решение только вопроса о виновности, который они, в качестве людей знакомых с дей-

¹⁶ См. т. IX Дела о преобраз. суд. части. Записка Н.А. Буцковского. С. 7; С. 5 Записки Зарудного.

ствительною жизнью, решат лучше коренных судей, людей кабинетных. Вопрос же о наказании предоставляется решению судей юристов. Отсюда переход чрез наших «судебных заседателей» к европейским присяжным заседателям был так естествен, что он подсказывался сам собою. Придумывать непременно что-то «свое», отличное от хорошо известного и испробованного европейского суда присяжных – значило бы впадать в оригинальничанье, значило бы стучаться в открытую дверь. Деятели 60-х годов были слишком серьезные люди, чтобы носиться с такою «пустою» претензией, к которой, по замечанию Вл. С. Соловьева, сводится наша *внеевропейская и противоевропейская самобытность*¹⁷.

Главный аргумент против присяжных была неразвитость «вчерашнего раба», неразвитость народа, «которого, по выражению Я. И. Ростовцева, до освобождения крестьян *не существовало*»¹⁸. Вот как возражают на это «Соображения» юристов Государственной Канцелярии: «Конечно, развитость народа имеет немалое влияние на достоинство его учреждений, но не подлежит также сомнению, что хорошие учреждения развивают и *совершенствуют общество*. В этом отношении правильный суд едва ли не желательнее всякого иного учреждения, ибо он распространяет в народе понятие о справедливости и законе, без чего не может быть ни благосостояния, ни порядка в обществе. Неразвитость нашего народа представляет основания для *скорейшего* введения суда присяжных, потому что такой именно народ и нуждается в *особых* ограждениях в суде, нуждается в судьях, которые бы вполне его понимали. Нигде, может быть, историческая жизнь народа не положила таких глубоких разграничений между различными слоями общества, как у нас, отчего между понятиями, обычаями и образом жизни наших постоянных судей, принадлежащих вообще к высшему сословию, и подсудимых из низших сословий замечаются чрезвычайно резкие различия»¹⁹.

Весьма подробно разобрали «юристы» Государственной Канцелярии и то возражение, что суд присяжных имеет политический характер. Суд присяжных, как одна из лучших гарантий правосудия вообще, конечно, имеет и крупное политическое значение. «При отсутствии правосудия, – говорит Лероа-Болье, – нет более просвещенной свободы, а при наличии правосудия, я полагаю, нет более деспотизма или по крайней мере тирании». С такой точки зрения носит политический характер не только суд присяжных, но и предложенные графом Блудовым усовершенствования правосудия, вроде сокращения инстанций, введения состязательного процесса, не говоря уже о введении гласности, которая, по определению Н.А. Буцковского, «служит самым надежным контролем для всякой общественной деятельности и *единственно прочною уздою* для удержания общественных деятелей в пределах законности». Но не в таком общем, а еще в особом специфическом смысле возражали и, смешно сказать, даже в наши дни возражают, – против суда присяжных, ссылаясь на то, что это учреждение якобы революционно-демократическое, несовместное с самодержавием. Против такого фальшивого

¹⁷ Национ. вопрос в России. С. VI.– Наглядным предостережением против такого оригинальничанья quand tēше служит опыт с печальной памятью III отделения. Это самобытное учреждение должно было, на посрамление Европы, доказать, что и помимо гласности и вообще рациональной судебной организации возможно водворение законности и правды. Назначением этого нового не то светского ордена, не то полицейского масонства, было, как разъясняла инструкция учредителя его, гр. Бенкендорфа, «обращать внимание на беспорядки во всех частях управления; наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не были нарушены людьми властными; внимать гласу страждущего человечества и защищать беззащитного и безгласного гражданина». Таким образом эти новые Гарун-аль-Рашиды, тайно, но деятельно наблюдая за всеми, должны были при помощи сердцеведения и смотрения исполнять функции, которые в других странах, и то не всегда хорошо, выполняют суд, адвокатура, печать и общественное мнение. Хорошо известно, во что превратилось это учреждение, которому ставилась столь высокая и совершенно ему непосильная задача. Приветствуя упразднение в 1880 г. III отделения, Катков между прочим писал: «Принадлежит к той системе, которая отрицала всякую свободу жизни и уже потеряла свою силу, учреждение это вносило собою только *смуту и ложь* в жизнь при ее изменившихся условиях». («Моск. Вед.», 1880. № 222). Об оставленной незавидной памяти III отделения можно судить уже по тому, что сочтено было невозможным IV отделение переименовать в III.

¹⁸ См. письмо Ростовцева к Александру II; С. 49 «Освобождения крестьян» Семенова.

¹⁹ См. т. XVII «Дела о пр. суд. части». С. 39.

освещения предмета выдвинули «юристы» длинный ряд соображений, заимствованных главным образом из истории русских судебных учреждений²⁰.

IV

В апреле – июле 1862 г. «Главные начала», выработанные Государственной Канцелярией, были рассмотрены соединенными департаментами Государственного совета. Общее собрание Совета рассмотрело их 27 августа, 3 и 4 сентября 1862 г. В общем собрании совета присутствовали: председатель кн. П. П. Гагарин и члены: великий князь Николай Николаевич, гр. В. Ф. Адлерберг, гр. С. Г. Строганов, В. Н. Панин (министр юстиции), кн. В. А. Долгоруков (шеф жандармов), К. В. Чевкин, кн. А. М. Горчаков, Брок, Тымовский, П. А. Муханов, Краббе, Донауров, Тройницкий, гр. П. А. Шувалов, Танеев, Гасфорт, барон М. А. Корф, Н. И. Бахтин, А. С. Норов, Н. Ф. Метлин, А. М. Княжевич, светл. кн. А. А. Суворов, И. М. Толстой, Д. А. Милютин, А. В. Головин, М. Х. Рейтерн, П. А. Валуев, Гернгрос, Хомутов, Анненков и А. С. Зеленый. Докладывал дело государственный секретарь В. П. Бутков. Суд присяжных и важнейшие институты нашего нового судебного права прошли *единогласно*. В защиту суда присяжных сказал речь, – кто бы поверил? – сам прозревший, наконец, гр. Панин, заявивший, что «действительно независимым может быть только суд присяжных».

29 сентября 1862 г. последовало Высочайшее утверждение «Основных начал». По мысли С. И. Зарудного, бывшего в этой последней стадии реформы главным руководителем дела судебной реформы, «Основные начала или положения» были опубликованы в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» для того, чтобы вызвать всестороннее обсуждение предстоящей судебной реформы.

Нечего и говорить, какое сильное и радостное впечатление произвели «Основные положения», обещавшие вполне рациональное судоустройство. Цензор Никитенко, приветствуя с умилением основные начала судебной реформы, отмечает в своем «Дневнике» (см. выше эпиграф), что в николаевские времена за такие «мечты» можно было прослыть «сумасшедшим или политическим преступником» (как известно, петрашевцы пострадали за то, что на «пятницах» у Петрашевского обсуждали вопросы об освобождении крестьян, гласном суде и т. п.), и присовокупляет: «В трудах по новому судопроизводству преобладала и преобладает здравая либеральная партия». Самый факт опубликования основных начал судебной реформы их свидетельствовал о признании если не совершеннолетия, то некоторой зрелости русского общества и русской неофициальной юриспруденции. Чтобы дать понятие о степени оживления, вызванного опубликованием «Основных положений», достаточно сказать, что при всей бедности России юридическими силами, поступило 446 разных замечаний со всех концов России, не исключая и самых глухих закоулков Сибири и Закавказья. По мысли того же Зарудного, который давно уже неуклонно преследовал плодотворную идею о наибольшей огласке материалов судебной реформы, все поступившие «Замечания» были отпечатаны и составили 6 больших томов *in folio*. Эти «Замечания» судебных практиков, профессоров и вообще частных юристов до некоторой степени составляли в судебной реформе суррогат участия местных сил наподобие губернских комитетов крестьянской реформы. О более реальном участии представителей общества, на которое намекал И. С. Аксаков в «Дне», пока нельзя было и думать, потому что даже земские учреждения еще только готовились.

С опубликованием «Основных положений судебного преобразования» можно было считать дело судебной реформы почти уже выигранным. Заложены были основы его и притом

²⁰ См. записку Буцковского. С. 44–53; записку Зарудного. С. 5–24. Т. IX «Дела о преобраз. суд. части». – Подобными же чисто юридико-бытовыми и рационально-научными соображениями были мотивированы: несменяемость судей, независимость адвокатуры, упразднение сословности в судах и установление: равенства пред законом, устности, состязательности, широкой гласности и других основ судебной реформы.

так последовательно, твердо и умело, что вызвали и вызывают до сих пор справедливое одобрение со стороны не только русских, но и лучших иностранных юристов и публицистов²¹.

Оставалась еще трудная и сложная работа составления новых проектов Уставов, согласно Высочайше утвержденным «Основным положениям», но это была трудность чисто юридическая, техническая. Бодро и радостно взялись за дело лица, коим выпала счастливая доля послужить в этом деле родине.

Для составления проектов Судебных Уставов образована была при Государственной Канцелярии комиссия, к которой привлечены были лучшие юридические силы, начиная от сенаторов и профессоров и кончая присяжными стряпчими и следственными приставами. Официальным председателем был назначен В. П. Бутков, но в действительности делом руководил корифей судебной реформы С. И. Зарудный. Комиссия разделилась на три отделения. В состав гражданской секции входили: председатель С. И. Зарудный, члены: К. П. Победоносцев, Н. В. Калачев, А. Ф. Бычков, С. П. Шубин, председатель курской гражданской палаты Шечков, товарищ председателя екатеринославской палаты Гурин, А. П. Вилинбахов, А. А. Книрим, Г. К. Репинский, князь И. С. Волконский, О. О. Квист и Баршевский.

Уголовная секция состояла из председателя Н. А. Буцковского и членов: П. А. Зубова, М. Е. Ковалевского, Я. Г. Есиповича, Любимова, Е. А. Перетца, губернских прокуроров А. Н. Попова и Н. Г. Принтца, проф. Н. И. Утина и А. М. Плавского.

Отделение судоустройства было под председательством А. М. Плавского, в составе членов: бар. Врангеля, П. Н. Даневского, Я. Г. Есиповича, Д. А. Ровинского и Н. Г. Принтца.

Закипела дружная работа! С неслыханною быстротою и образцовою обстоятельностью составлены были в течение *и месяцев* проекты учреждения Судебных Установлений и Уставы Гражданского и Уголовного судопроизводства. Проекты сопровождались превосходными и обширными (1758 печатных страниц *in folio*) объяснительными записками, составляющими доселе непревзойденные *chef-d'oeuvre*'ы законодательного творчества.

Осенью 1863 г. комиссия окончила возложенную на нее задачу, и проекты поступили на заключение II отделения Е. И. В. канцелярии и министра юстиции Д. Н. Замятина. Последний не только сам доставил при содействии товарища своего Н. И. Стояновского (см. ниже) весьма ценные замечания, составляющие солидный том в 500 страниц *in folio*, но, вполне сочувствуя либеральным основам судебной реформы, потребовал еще замечаний на проекты от сенаторов и обер-прокуроров²².

В декабре 1863 года проекты Судебных Уставов, вместе с поступившими на них многочисленными замечаниями, переданы были на обсуждение Государственного совета. Докладом дела руководил государ. секр. В. П. Бутков, пользуясь содействием С. И. Зарудного, Н. А. Буцковского и А. М. Плавского. Обсуждение проектов, в котором, по ходатайству министра юстиции Д. Н. Замятина, принимал участие и товарищ его Н. И. Стояновский (потом председатель гражданского департамента Государственного совета), шло весьма скоро и успешно. Объясняется это, во-первых, тем бодрым настроением, которое все еще господствовало в то время в обществе, хотя уже замечалось некоторое разочарование после событий 1863 года;

²¹ См. весьма сочувственный отзыв известного криминалиста Миттермайера в журнале «*Министерства Юстиции*», 1864 г. № 10, а также книгу Лероа-Болье: «*L'empire des Tzars*», tome II.— Говоря о началах, на коих построены Судебные Уставы (в том числе и суд присяжных), министр юстиции Н. В. Муравьев в речи своей 30 апреля 1894 г. при открытии комиссии по пересмотру Суд. Устав, выразился так: «Это в сущности общепризнанные и наилучшие из всех до сих пор выработанных в цивилизованном мире ручательств того, что судебная истина будет обнаружена, что закон будет точно применен и что каждый из судящихся получит по заслугам. Они составляют средний и, по-видимому, бесспорный итог всего того, до чего додумалось человечество в сфере правосудия; они, кроме того, уже успели войти в плоть и кровь страны, сделались привычным и дорогим достоянием нашего народа; они образуют охранительный, консервативный, если так можно выразиться, элемент наших судебных порядков».

²² См. мою «Страницу из истории судебной реформы». М., 1893. Гл. IV.

во-вторых, тем, что вопросы были тщательно разработаны и всесторонне освещены, так что Совету оставалось сделать лишь немногое...

Впрочем, у руководителей судебной реформы, быть может, была и особенная причина торопить дело. Они знали, как быстротечны у нас либеральные веяния и как скоро, после непродолжительного подъема сил, наступает у нас, особенно в высших сферах, упадок энергии. – Но пока еще дул по судебному ведомству редкий попутный ветер, и проекты с небольшими поправками и частичными изменениями благополучно прошли как в соединенных департаментах, так и в общем собрании Государственного совета²³.

2 октября было окончено рассмотрение Судебных Уставов. В общем собрании 2 ноября были рассмотрены штаты и оклады судебных чинов, и уже 20 ноября того же года последовала в Царском Селе Высочайшая санкция и знаменитый указ правительствующему сенату от того же числа, повелевший опубликовать Судебные Уставы во всеобщее сведение.

«По вступлении на прародительский престол, – так начинается указ, – одним из первых наших желаний, всенародно возвешенных в манифесте 19 марта 1856 года, было: „Правда и милость да царствует в судах“. С того времени, среди других преобразований народной жизни, Мы не переставали заботиться о достижении упомянутой цели». Сославшись затем на те многосторонние предварительные работы, которые предшествовали составлению проектов Судебных Уставов, указ в следующих кратких, но сильных выражениях очерчивает их сущность: «Рассмотрев сии проекты, Мы, – говорит император Александр II, – находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд, *скорый, правый, милостивый, равный* для всех подданных наших, *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то *уважение к закону*, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть *постоянным руководителем всех и каждого, от высшего до низшего*».

Памятные слова, заслуживающие того, чтобы их заучивала молодежь наизусть, подобно тому, как в Риме заучивались *carmina* XII таблиц!!

Указ заканчивался в следующих выражениях: «Призывая благословение Всевышнего на успех этого *великого* дела, Мы радостно выражаем надежду, что намерения Наши осуществятся при ревностном содействии наших верноподданных, как каждого отдельно в кругу личной его деятельности, так и в совокупном составе обществ, сословий и земства, ныне, по воле Нашей, на *новых* началах образуемого...»

Таково было происхождение этого великого законодательного акта, «истекавшего, как верно замечено его авторами, не от произвола, а от начал истины и справедливости в той степени, в какой они выработаны наукою и опытом»²⁴, акта, который, по меткому замечанию В. П. Безобразова, «есть законодательный и вместе с тем *умственный* памятник, долженствующий служить в отдаленном потомстве величайшею честью нашего времени»²⁵. И что тут нет национального самообольщения, тому лучшее доказательство – отзывы иностранцев. Так Лероа-Болье, отдавая полную справедливость трудам деятелей судебной реформы, умело заимствовавших все лучшее из иностранных законодательств, поясняет и причину сравнительно большого успеха судебной реформы, причем развивает те же мысли, которые в 1860 году высказывал М. Н. Катков о необходимости радикальной реформы судов (см. выше § 1). «Если, –

²³ В соединенных департаментах присутствовали: князь Гагарин, принц П. Г. Ольденбургский, Кочубей, Хомутов, Литке, Игнатъев, Бахтин, Замятнин, Муханов и Норов. (См. т. LI «Дела о преобр. губ. земст.»). В общем собрании присутствовали: кн. Гагарин, П. Г. Ольденбургский, кн. А. Н. Горчаков, гр. Клейнмихель, г. Адлерберг, бар. Корф I-й, Танеев, Гасфорт, Княжевич, Игнатъев, Тымовский, Толстой, Зеленый, Стояновский, Кочубей, Литке, гр. Панин, Бахтин, Норов, кн. Суворов, Мельников, Татаринов, Муханов, Тройницкий, Мальцов, кн. Урусов, Краббе, Плаутер, Брок, Метлин, Гернгрос, Тройницкий и Рейтерн, при государственном секретаре В. П. Буткове. (См. т. LXIX «Дела о преобр. суд. ч. в России»).

²⁴ См. предисловие к Судебн. Устав, изд. Госуд. Канцелярии 1886. С. III.

²⁵ «Русск. Вестн.», 1866. № ю.

говорит г. Лероа-Болье, – судебная реформа была задумана и осуществлена шире, чем другие реформы Александра II, то это объясняется тем обстоятельством, что она имеет основанием не эмпирические данные и минутные соображения, а *общие идеи*, усвоенные всеми новыми нациями, и практику наиболее цивилизованных государств»²⁶.

Спустя несколько лет по введении в действие Судебных Уставов, в 1870 году проф. канонического права Московского университета Н. К. Соколов так определял громадное культурное значение судебной реформы 1864 г. «Суд, основанный на твердых началах, – писал он, – независимый от внешних и случайных влияний и пользующийся общественным доверием, есть, без всякого сомнения, одно из величайших благодеяний, какое только может доставить государство своему гражданину. Не говорим здесь о внешних преимуществах, о практической пользе, которую может доставить правильно устроенный суд, обеспечивая гражданина в справедливом пользовании всеми его правами и предоставляя все средства к ограждению и восстановлению их – эта сторона очевидна для всякого, но она еще не самая важная. *Важнее*, по нашему мнению, то *нравственно-воспитательное* влияние, какое оказывает такой суд на общество. Он воспитывает как власть, представляющую собою правосудие и служащую для него органом, так и *всех членов общества*, прибегающих к содействию правосудия и со стороны наблюдающих за его отправлением. В этом отношении влияние суда быть может еще могущественнее, чище и нравственно выше на последнюю группу *простых наблюдателей*, нежели на первую, материально заинтересованную в отправлении правосудия. Развивая в них чувство законности, правды и уважения к личности и интересам других, суд в то же время возвышает собственное личное самосознание и достоинство, *воспитывает уверенность, энергию личной деятельности* во многих случаях, когда отсутствие прочных гарантий могло бы совершенно парализовать ее. Факт не новый и легко наблюдаемый, что в том обществе, которое пользуется благодеяниями рационально устроенного правосудия, деятельность частных лиц гораздо свободнее, энергичнее, открытее, бодрее; человек как-то правильнее и свободнее движется в тех пределах, внутри которых поставлена его служебная или частная деятельность. Напротив, *безличность, задавленность, вялость*, отсутствие всякой энергии, склонность выбирать окольные пути, вместо прямой дороги, к совершенно ясной цели, боязнь, часто беспричинно убивающая живую и свободную деятельность, и, наконец, затемнение в понятиях и жизни самых представлений о правом и неправом, о законном и незаконном и образование целой системы *условных прав, условных законов*²⁷, допускающих различные изъятия и нарушения – вот явление, обыкновенно наблюдаемое в тех обществах, где правосудие находится в руках произвола и не имеет строго определенных оснований и гарантий²⁸.

Таково было колоссальное значение издания Судебных Уставов, составивших эпоху в истории русской гражданственности.

²⁶ «L'empire des Tzars», II, 291.

²⁷ См. ст. Н. Соколова «О началах и формах духовного суда». С. 21–30 «Православного Образования», 1870. № 5.

²⁸ См. выше в главе VII слова Аксакова о «будто бы законах».

Глава девятая

Предтечи гласного суда (Апрель – октябрь —1865–1890 гг.)

Избави нас, Боже, от всякой вещи, во тьме переходящей!
М. Катков

I

Начало нашего нового гласного судопроизводства обыкновенно принято относить ко времени открытия новых судебных учреждений, действующих на основании Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. Такой счет не совсем правилен. Гласный суд, т. е. публичное судоговорение, начался у нас еще в старых учреждениях, в силу закона 11 октября 1865 г., перенесшего туда некоторые начала нового процессуального строя и в том числе гласность.

Но еще ранее издания этого закона, весной 1865 г., *впервые*²⁹ публика ознакомилась с гласным процессом в тяжелой обстановке военных *полевых* судов, которые учреждались, в силу особых Высочайших повелений, по делам особой важности³⁰. Первый такой суд происходил в апреле 1865 года в Новгороде для суждения четырех лиц, обвиняемых в убийстве вдовы надв. советн. Лейтенфельд. В тогдашних газетах мы находим очень мало данных, могущих восстановить ход и обстановку *первого* гласного процесса. Из «*Петербургских Ведомостей*» мы узнаем только, что разбирательство происходило в крайне неудобном помещении уездного суда, что публики набралось в суде очень много, что в зал заседания пускали только «в мундирах». Все четверо подсудимых были приговорены к расстрелянию.

Гораздо больше подробностей сохранилось *о первом гласном процессе*, разбиравшемся в Москве 29 мая 1865 г. Он также имел место в *военно-полевом суде*. Суду его, по Высочайшему повелению, были преданы: временно отпускной солдат Комаров и крестьяне Черемухин и Щукин, по обвинению в убийстве и ограблении кабатчика Подшивалова и его жены и нанесении смертельных ран трем его дочерям.

Полный стенографический отчет по этому делу, составленный учениками А. Н. Артоблевского, мы находим в «*Современной Летописи*»³¹. Заседание происходило в бывшей гостинице «Европа», на Солянке, в помещении управления местных войск. Стечение публики было громадное. Суд начался в 2 часа. Председательствовал полковник Святогор-Штепин, обвинял Л. Л. Цвилленев, защищал кандидат прав А. В. Зорин.

Судоговорение началось обвинительною речью прокурора, который, как гласит отчет, произнес обвинение мерным и стройным голосом. Небольшая стычка между сторонами про-

²⁹ Впрочем, в интересах исторической точности следует отметить к чести Редакционной комиссии, что начатки гласности впервые введены были ею в Полож. о крест. (Ст. 57 Полож. о губерн. и уездн. присут.). Но гласность, как и другие либеральные начала Положения 19 февраля (так, например, несменяемость мировых посредников), была фактически упразднена, благодаря тому систематическому извращению духа освободительной хартии, которое практиковалось при П. А. Валуеве (см. выше главу V, § 2). Уже осенью (1862) С.С.Громека писал в «*Отечеств. Записках*»: «Само правительство установило гарантии в виде гласности, а между тем и публичность, и гласность исчезли быстро, яко исчезает дым всякого русского либерализма». – (См. № 11. С. 7). – На Кавказе гласное судоговорение по манежным делам открыто было в 1862 г. – (См. ниже § «Е. П. Старицкий»).

³⁰ До издания Судебных Уставов предание военному суду за общегражданские преступления было явлением обычным. Помимо дел, передаваемых военному суду по особым повелениям, Свод Законов допускал до 40 случаев передачи дел военному суду. Судебные Уставы отменили этот порядок, исходя из того соображения, что всякие специальные комиссии, назначаемые для суда по известному делу, вызывают основательное недоверие. (См. С. 25–28 т. XVIII «Дела о преобраз. суд. части», а также главу XIII моих «Основ судебной реформы»).

³¹ См. № 22 июня 1865.

изошла в то время, когда прокурор стал показывать «публике» (sic) шкворень, найденный в избе одного из подсудимых...

Защитник. Шкворень, находящийся в суде, не тот самый, которым совершено преступление.

Прокурор. Шкворень наподобие этого.

Предс. Черемухин. Это не тот шкворень?

Прок. Наподобие.

Черемухин. Тот мы бросили.

Прок. Ну да, подобный этому, я говорю.

Затем начался допрос подсудимых, причем председатель говорил с ними на *ты*.

Черемухин, сознавшийся на предварительном следствии, стал решительно отрицать свою виновность. На вопрос прокурора, почему он прежде давал другое показание, Черемухин отвечал: Ваше благородие! следователь Щелкалов бил на следствии два раза, схватил нож и замахнулся на меня.

Предс. Ну, хорошо, а вы не сговаривались с Комаровым?

Черемухин. С Комаровым?

Предс. Да, да.

Черемухин. С ним... я... нет... не могу знать.

Предс. (обращаясь к священнику). Позвольте попросить вас, батюшка, сказать преступнику (*sic!*), что нераскаяние есть один из тягчайших грехов.

Священник, надев епитрахиль и взяв крест и Евангелие, начал увещевать тихим голосом.

Черемухин. Ей-богу, батюшка, таких делов не делал. Никто во всей деревне на меня не пожалится; кажется, курицы не обидел. Что я сказал вам правду, вот вам, коли хотите, и крест Христов, и святое Евангелие. А я знать ничего не знаю и не виноват, вот что!..

Энергичная защита и неожиданное упорное заpiresательство подсудимого, по-видимому, произвели и на участвующих в деле лиц и на публику сильное впечатление.

Между прокурором и защитником начался следующий любопытный диалог.

Прокурор. Что вы думаете, г. защитник, о таком заpiresательстве преступника?

Защитник. Позвольте мне не отвечать на этот вопрос. Сознаться или не сознаться за подсудимых я не могу – это дело их самих.

Прок. Однако объяснение этого заpiresательства необходимо. Вы *виделись* с подсудимым в местах заключения и читали самое дело...

Черемухин. Я говорю, как перед смертью.

На этом заканчивается допрос Черемухина; его уводят и вводят в зал Комарова. Он сознается, но сваливает главную вину на других подсудимых.

Защити. Это сознание подкреплено обстоятельствами дела и прежним показанием Черемухина.

Свящ. Что тебя принудило быть участником в убийстве?

Комаров. Я сознаюсь как перед Богом, так и перед вами, батюшка. Я решился обворовать Подшивалова, но намерения убить не имел.

Вводят третьего подсудимого Щукина. Щукин также заpiresается и объясняет возбуждение обвинения наущением «зловредного» шурина своего. На увещания священника он отвечает: «Ну, что же, поцелую... ведь и у нас есть батьки» (с наглостью хватает и целует крест). На замечание председателя, что крестьяне не одобрили поведения подсудимых, Щукин скороговоркою отвечает: «Помилуйте, гг. сенаторы! крестьяне говорят по злобе, потому что я не попал в рекруты. Ваше благородие, войдите в мое положение и гражданский (губернатор) князь Оболенский...»

Прокур. (перебивая его). Это не идет к делу.

Защити. Дайте ему говорить, может и договорится до чего-нибудь. Запрещать подсудимому оправдываться нельзя.

Прокур. Это не есть запрещение, а оценка выслушанного.

Щукин. Князь гражданский Оболенский, губернатор, сказал мне: «В Богородске не возьмут, а в Москве я сам буду, а с тобой язык будет...»

Прокур. Зачем ты путаешься?

Щукин. Зачем? Потому что, гг. сенаторы, крестьяне по злобе показывали и проч. На этом окончился допрос подсудимых. Свидетелей не допрашивали.

Защити, (взволнованным голосом) начал свою речь так: Сами обстоятельства рассказанного дела так отчетливо представили суду и *публике* картину страшного злодеяния, а г. прокурор так убедительно вывел свои обвинения, что в глубине совести каждого из присутствующих уже составлено убеждение в безусловной виновности подсудимых.

Затем защитник старался предостеречь судей от увлечения и, выяснив роль каждого из подсудимых, находил, что не все они одинаково виновны. Указывая на то, что показание маленькой девочки Тани служит главным базисом обвинений, защитник заметил, что «хотя младенец и не может солгать, – ложь есть принадлежность взрослых, – но девочка могла и ошибиться в своих показаниях». Закончил защитник свою речь следующими словами: «Помните, что применение страшного наказания ко всем трем преступникам будет более, нежели несправедливо, будет тяжкий грех; вспомните несчастные процессы невинно-казненных, вспомните „Последний день“ Виктора Гюго, когда осужденный на смертную казнь любителю во время чтения приговора солнечным зайчиком, играющим на стене тюрьмы; вспомните, что заточение в рудниках тяжелее моментального страдания. Не отнимайте у общества три рабочие единицы, – в рудниках, на железной цепи, они все-таки будут ему полезны. Не отнимайте у подсудимых возможности раскаяться в своем преступлении перед Богом и людьми». При последних словах арестанты бросились с воплем на колени. «Пожалейте нас, несчастных, – вопили они, – и войдите в наше горемычное положение».

Публика, не привыкшая к сценам публичного суда, была потрясена этим эпизодом и выразила свое сочувствие к речи защитника громкими рукоплесканиями, которые, впрочем, были прекращены по первому слову председателя.

Суд приговорил всех троих к *расстрелянию*.

Описанный процесс и раздавшиеся аплодисменты произвели в обществе сенсацию. В «*Московских Ведомостях*» появилось письмо, в котором ставилось на вид защитнику, что он не должен был стремиться влиять на чувства судей, не имевших по закону полевого судопроизводства даже права допускать смягчающие обстоятельства и поставленных между дилеммой оправдания или присуждения к смертной казни.

Редакционная статья «*Московских Ведомостей*»³², не вполне разделяя точку зрения автора письма, однако сочла нужным указать на существование двух типов адвокатуры – французской и английской. Отдавши все свои симпатии последней, отличающейся деловитостью и свободой от риторики, статья приходила к заключению, что наша адвокатура должна бы идти по стопам английской, способствовать правильному приложению закона. Нельзя, однако, не заметить, что совершенно упускались из виду в этих нотациях условия деятельности английского суда и военно-полевого суда. Тогда как первый от смертной казни может переходить к кратковременному аресту, полевой суд не может дать снисхождения. К чему же, при таких условиях, сводится роль защиты?

³² 1866 г. № 13.

II

В 1865 году было еще несколько гласных процессов военно-полевого суда, но мы касаться их не будем и перейдем к гласности в старых судебных учреждениях, где она введена была законом 11 октября 1865 года и из явления случайного превратилась в правильное постоянное.

Когда в правительственных сферах окончательно воспреобладала мысль о невозможности одновременного введения в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года во всей Европейской России, то было признано необходимым хотя несколько обновить и освежить прогнившее здание старого суда. С этою целью было решено ввести в наш старый процесс некоторые элементы судебной реформы, и в том числе устность и гласность. Таковы мотивы, приведшие к изданию так называемых «облегчительных» правил 11 октября 1865 г., действующих и поныне в местностях, где не открыты еще новые суды.

Вслед за изданием этих правил были разосланы министром юстиции, Д. Н. Замятниным, составленные им правила о порядке допущения посторонних лиц к присутствию при докладе в судебных местах. Содержание этих правил таково: председатель судебного места, соображаясь с обширностью и удобством помещения, определяет, какое число лиц может быть допущено в присутственную комнату, о чем вывешивается объявление в приемной комнате. Публика допускается по билетам, или без билетов, по усмотрению председателя. До чего был велик страх пред новым обрядом гласности, можно судить по тому, что председателю предоставлялось для предупреждения беспорядков требовать от публики, получающей билеты, расписки в книге.

С октября 1865 года стал функционировать *впервые наши гласный суд* гражданского ведомства. В этот день происходило в Петербурге заседание первых трех департаментов сената в присутствии министра юстиции Д. Н. Замятина и его товарища Н. И. Стояновского. Первыми опытами гласности публика очень мало интересовалась: на помянутое заседание общего собрания явилось «наибольшее число лиц», а это число было 20, в других департаментах бывало от 5 и до ю. Впрочем, и число мест, отведенных для публики, было крайне ограничено; так, в общем собрании было всего 20 мест.

«*Журнал Министерства Юстиции*», как бы недоумевая пред равнодушием публики, старался объяснить его недостаточным знакомством публики с открытием гласного суда³³. И действительно, в последующие дни число посетителей в департаментах С.-Петербургской уголовной палаты доходило до 70, а в Харьковской палате дошло до 300. Вообще, в провинции гласное судопроизводство произвело, по-видимому, большую сенсацию, благодаря пустоте провинциальной жизни... Так, из Екатеринослава писали в «*Журнал Министерства Юстиции*», что 1 декабря, когда слушалось одно интересное дело, посетителей собралось так много, что должны были отворить дверь в переднюю, чтобы могли слушать столпившиеся там посетители (в том числе и дамы), и многие должны были возвратиться домой по недостатку места...

Первые адвокатские речи произвели благоприятное впечатление. Официальный «*Журнал Министерства Юстиции*» констатировал факт, что наша адвокатура не впадает в недостатки французской и приближается к английскому образцу, заботясь о дельности речей, а не о цветах красноречия.

На подсудимых гласное судопроизводство производило довольно сильное впечатление. В противоположность вышеприведенным образчикам упрямого заперательства на военно-полевого суде, председатель Екатеринославской уголовной палаты свидетельствует, что «хотя под-

³³ См. «*Журнал Министерства Юстиции*», 1865 г. № д. С. 203.

судимые и утверждали прежние показания, но в ответах их заметны были нерешительность и смущение, причем они искоса посматривали на публику»³⁴.

Первые шаги гласности произвели на общество очень сильное впечатление. Как ни скверны были формы нашего старого судопроизводства, все же оно несколько улучшилось под освежающим влиянием гласности. С первых же месяцев стало заметно ускорение движения дел; исконное недоверие к суду, обусловленное канцелярскою тайною, стало ослабевать; после рутины, буквоедства и жестокости стали проникать в суд более здравые и гуманные начала. Словом, преимущества гласного судопроизводства сразу и наглядно для всех обнаружались, и русское общество с радостным нетерпением стало ожидать открытия *настоящего* гласного суда, которое уже было не за горами...

³⁴ «Журнал Министерства Юстиции», 1865 г. № 12. С. 637.

Глава десятая

Открытие «Нового суда» в Петербурге (Справка к 30-летию)

Окружный суд есть для народа училище правоведения.
Кн. В. Ф. Одоевский

*Всякий чувствует, что без нового суда невозможна никакая
безопасность, и всякий ожидает его, как манны небесной.*
А. В. Никитенко

*С упрочением нового судопроизводства становится возможным
жить в России, как в стране цивилизованной.*
М. Катков (1866)

I

С утверждением образцовых³⁵ Судебных Уставов самая главная задача судебной реформы была разрешена. Оставалось обсудить порядок их введения в действие. Несмотря на сравнительно второстепенное значение этой стадии дела, она заняла довольно много времени – без малого год, что особенно бросается в глаза, если принять во внимание, что сами Судебные Уставы составлены были почти в 21/2 года (январь 1862 – ноябрь 1864 гг.). При обсуждении вопроса о порядке введения судебной реформы пришлось считаться с практическими затруднениями и возражениями, под которыми, впрочем, лежало довольно важное теоретическое разномыслие.

Одно направление – представителем его был председатель Государственного совета кн. П. П. Гагарин – высказывалось за одновременное и повсеместное введение судебной реформы, но с постепенным увеличением состава судов; другой взгляд – представителем его был министр юстиции Д. Н. Замятнин – высказывался за введение реформы в виде опыта в одном или двух округах, но в полном объеме.

Император Александр II, заслушав оба мнения в Совете министров, повелел 12 января 1865 г. образовать для выработки окончательного плана введения судебной реформы комиссию под председательством того же В. П. Буткова, который стоял во главе комиссии, составлявшей проекты Судебных Уставов³⁶. В состав этой *второй* Бутковской комиссии вошли знаменитые деятели судебной реформы С. И. Зарудный, Н. А. Буцковский, А. М. Плавский, а также юристы: П. А. Зубов, Я. Г. Есипович, М. Е. Ковалевский, О. И. Квист, Н. Г. Принтц, Г. К. Репинский и А. А. Книрим.

На деятельности комиссии отразилось действие обычного в нашей государственной и общественной жизни явления: после кратковременного лихорадочного возбуждения, поражающего иной раз громадным своим подъемом, наступает быстрое охлаждение, упадок энергии, если не преждевременное разочарование. Так было и в данном случае. Члены комиссии отно-

³⁵ Читал, – заносит 5 декабря 1864 г. в свой «Дневник» проф. Никитенко, – обнародованные на днях законы о судах. Вот великолепный монумент нашего времени! Дело это станет рядом с освобождением крестьян. Между тем, о нем, за исключением небольшого круга непосредственно соприкасающихся с этим делом, очень мало говорят и думают в обществе. Какая-нибудь журнальная сплетня производит больше впечатления, чем это *бессмертное* дело. Я пробовал говорить об этом хоть с некоторыми из товарищей по академии, но нашел мало сочувствия. («Русск. Стар.», 1891. № 6. С.420).

³⁶ См. Т. LXV «Дела о преобразовании судебной части в России». № 12. С. 12 и след.

сились с полным сочувствием к либеральным основам Судебных Уставов, но по вопросу о времени и порядке введения их мнения разделились на две группы – радикальную и умеренную.

К последней принадлежало большинство комиссии, и оно отстаивало мнение министра юстиции Д. Н. Замятина, который считал, ввиду новости дела, возможным лишь постепенное введение Уставов в виде опыта, начав с столичных судебных округов. Меньшинство же (в состав его входили С. И. Зарудный, Н. А. Буцковский, О. И. Квист) полагало необходимым единовременное введение новых судебных установлений на всей территории Европейской России с тем, чтобы персонал их пополнялся постепенно, по мере накопления дел в судебных округах.

Считая невозможным передавать все подробные соображения, приведенные обеими сторонами в пользу их плана, познакомим с некоторыми доводами меньшинства. Стремление к опыту, говорит оно, положительно вредно, как потому, что в настоящее время не опыт нужен, а введение Уставов в действие, так и потому, что опыт, устроенный на неверных началах, приводит к фальшивым выводам и пагубным результатам. Судебные Уставы – это *цельная, живая органическая сила*, которая может обнаружить свое значение и желаемое действие только в цельной, а не в разрозненной части России. При опыте в разрозненных местностях можно придти к отмене если не всего лучшего, что есть в Уставах, то многого. Если по финансовым соображениям нельзя повсеместно ввести Судебные Уставы, то, по мнению меньшинства, лучше бы вовсе отложить введение их.

На самом деле финансовые соображения, по-видимому, служили лишь благовидным флагом, под которым скрывалось скорее преждевременное охлаждение к судебной реформе под влиянием реакции, особенно усилившейся после событий 1863 г.³⁷ На это указывает прежде всего то обстоятельство, что при осуществлении плана меньшинства требовался расход гораздо меньший, нежели тот, который был предположен Государственным советом в 1862 г., при рассмотрении основных начал судебной реформы. В 1862 г. Совет находил, что на судебную реформу нужно ассигновать до 9 млн и рассуждал так: «*никакая цифра* не должна останавливать введения в действие судебного преобразования, безусловная важность и безотлагательная потребность которого не подлежит сомнению и давно уже признана правительством»³⁸, а в 1865 г. даже проектируемый трехмиллионный расход на открытие нового суда встречал возражение. Что в данном случае главную роль играл именно страх перед «радикализмом»³⁹ судебной реформы, «пред невозможностью справиться с учреждениями, заимствованными из иностранных законодательств», это видно также и из заключения министра финансов Рейтерна, который наряду с финансовыми затруднениями и чуть не с большею настойчивостью указывал на затруднительность приискания достаточного числа лиц даже для замещения судебных должностей в двух округах⁴⁰.

В виду этого, меньшинство комиссии сочло себя вынужденным еще раз коснуться тех возражений, которые приводились раньше, в 1862 г., против плана радикальной судебной реформы и устранены были тогда же. Против довода, что общество не подготовлено, приводилось следующее возражение: «Если законодательные предположения правильны, то они *благовременны*: трудно думать, чтобы люди где-нибудь и когда-нибудь были приготовлены к дурному и были не зрелы для хорошего. Разумный закон, рассуждает меньшинство, никогда не

³⁷ 17 июня 1865 г. акад. Никитенко в числе других признаков реакции отмечает в «Дневнике»: «Говорят, что судебная реформа откладывается в долгий ящик. А между тем ею возбуждена томительная жажда. Всякий чувствует, что без нее невозможно никакая безопасность, и всякий ожидает ее как *манны небесной*. Но административная или *бюрократическая сила не хочет выпустить власти* из своих рук». («Русск. Стар.», 1891. № 6. С. 652).

³⁸ Т. XIX. «Дела о преоб. суд. чист.», «Журн. Госуд. совета», 1862. № 65. С. 336–367.

³⁹ Многие думают, писал М. Н. Катков в защиту радикализма, что правило благоразумия требует не *вдруг* заводить хорошее, но понемножку, по частям. К сожалению, они забывают, что всякая система может развиваться и принести пользу только тогда, когда взяты ее начала *во всей их истине и полноте*. Важны не разрозненные части системы, важен *жизненный дух* ее, *важны ее начала*. («Русск. Вест.», 1860. № 2).

⁴⁰ См. Т. LXXIX н.д. С. 36, оконч. сообр. комиссии.

сделает зла. Может быть, по каким-либо обстоятельствам и даже по самому свойству закона нового он не будет исполняем согласно с истинным его смыслом, но гораздо вероятнее, что он тотчас же глубоко пустит свои корни (как известно, эта разумная вера вполне оправдалась, в особенности относительно суда присяжных) и составит могущественную опору спокойствия и благоденствия государства». Иные «патриоты» даже в наше время поднимают на смех этот «оптимистический и идеалистический» взгляд и с иронией указывают на невозможность применения современного европейского строя к «дикарям» Дагестана⁴¹. Но «легкомысленные» либералы судебной реформы не были такими плохими патриотами, чтобы русский народ приравнивать к «дикарям».

Опасение затруднений в Приложении Судебных Уставов, говорили их составители, неосновательно, так как Уставы эти основаны на началах, выработанных не одною только теориею, но и опытом *всего образованного человечества*. Опасение неприменимости этих начал к нашей общественной жизни столь же немислимо, как и сомнения в том, что мы имеем *общечеловеческие способности и потребности*⁴².

Затем, переходя к обсуждению вопроса, действительно ли невозможно повсеместное введение судебной реформы по неимению финансовых средств и достаточного, подготовленного персонала юристов, меньшинство высказывает следующие соображения: «Недостаток денежных средств, коими может располагать правительство, независимо от общих экономических условий, происходит в особенности от несовершенства основных органов отправления правосудия, составляющего главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги без кредита не составляют капитала производительного, а кредита не может быть при беспорядке в судебном ведомстве, и потому, если действительно нет денег, то усовершенствования судоустройства не только полезны, но и необходимы, и горестное обстоятельство, что денег нет, составляет не возражение против усовершенствований, а доказательство их необходимости.

«Недостаток людей еще менее может, – рассуждало меньшинство, – остановить правильные предположения преобразования судебных мест. Законы не могут создавать людей, но, тем не менее, если законы таковы, что люди находят в них средство для достижения дурных целей, то люди развращаются; если законы эти так неясны, что их не понимают и не могут понять, то люди и не знают законов; если законы таковы, что они не могут быть строго исполняемы даже добросовестными людьми, то люди не исполняют законов, а потому, если возражения о недостатке людей понять в том смысле, как оно обыкновенно приводится, т. е. что нет достаточного числа людей добросовестных, знающих законы и могущих их приводить в действие, то усовершенствования законов становятся необходимыми, ибо без того и не будет людей в этом смысле; следовательно, и это возражение составляет также не возражение, а доказательство необходимости преобразования судоустройства в тех государствах, где законы по этому предмету считаются по какой-либо причине недостаточными. Притом не следует преувеличивать недостатка собственно в образованных юристах. У нас существуют уже несколько десятков лет шесть университетов, четыре лицея и училище правоведения. Число обучавшихся в этих заведениях юридическим наукам не может быть незначительно. Из окончивших курс в одном училище правоведения состоит на службе 435 юристов. Если вообще до сих пор в судебном ведомстве было немного образованных юристов, то явление это объясняется тем, что доселе все служебные преимущества и законные выгоды были не на стороне судебного ведомства. Но если судебная часть получит организацию, достойную ее важного назначения, и если служба по

⁴¹ См. поразительные своим легкомыслием «Очерки современной России». С. 402. – А. М. Унковский признавал столь естественным суд присяжных, что считал его применимым даже и к дикарям. (См. выше главу 1 §g). – В 1895 г. при Министерстве юстиции созвано было совещание старших председателей и прокуроров палат и оно почти единогласно (18 голосов против 2) признало деятельность суда присяжных безупречною. См. статью руководителя совещания А. Ф. Кони в № 4 «*Журн. Мин. Юст.*» 1895 г., а также брошюру мою «Суд над судом присяжных». М., 1895.

⁴² См. н. д. Т. IX. Собр. ком., ст. 34.

судебному ведомству, как того требует справедливость и польза, будет иметь особенные преимущества, то не подлежит сомнению, что число образованных юристов, желающих служить на том поприще, к которому они преимущественно приготавливались в училищах, будет весьма достаточно для преобразования судебной части».

Мнения большинства и меньшинства Бутковской комиссии были переданы на заключение министров, сенаторов, обер-прокуроров и специалистов, знакомых теоретически и практически с процессом⁴³. Среди *практиков* многие одобряли мнение меньшинства.

При окончательном обсуждении вопроса было принято Государственным советом мнение большинства Бутковской комиссии и, таким образом, решено было ввести Судебные Уставы только в Санкт-Петербургском и Московском судебных округах (в 10 губерниях) с тем расчетом, чтобы во всей Европейской России открыть новые суды в течение четырех лет (на самом деле, как известно, даже к 25-летию не осуществлено это намерение). Что касается вопроса об отдельном введении мировых установлений, то в Государственном совете возникло разногласие: 17 членов⁴⁴ полагали возможным ввести их в 19 губерниях, 24⁴⁵ — признавали такое частное введение неудобным.

II

19 октября 1865 г. было Высочайше утверждено Положение о введении в действие Судебных Уставов в двух судебных округах – Санкт-Петербургском и Московском. Тотчас после обнародования Положения начались в Министерстве юстиции, под высшим наблюдением министра Д. Н. Замятина и при главном руководстве товарища его Н. И. Стояновского, обширные и разнообразные подготовительные работы по открытию новых судебных установлений. Предстояла масса кропотливой и хлопотливой работы по ликвидации старых судов по устройству внутреннего быта нового суда. В течение полугода в департаменте Министерства юстиции (директором в это время был барон Врангель, вице-директором Б. Н. Хвостов) кипела работа, можно сказать, день и ночь. Министерство озабочено было не только приисканием персонала для замещения массы новых судебных должностей и приспособлением зданий для помещения судов, но и выработкой мелочных, но необходимых правил канцелярского распорядка, изготовлением форм делопроизводства, составлением рисунков знаков для должностных лиц и даже составлением руководств по русской стенографии⁴⁶.

Немало было затруднений, как это ни кажется странным, по приисканию приличного здания для нового суда в самом Петербурге. В этом по преимуществу «казенном» городе оказалось крайне трудным найти и приспособить здание для петербургского окружного суда и судебной палаты. Были толки о приспособлении здания Синода, инженерного замка и проч., но, наконец, Д. Н. Замятин остановился на неуклюжем здании старого арсенала на Литейном. Архитектор Шмидт взялся приспособить здание, и всю зиму 1865 г. работы продолжались безостановочно, и даже ночью работали при электрическом освещении. Выбор был не из очень

⁴³ См. Т. LXIII Дела о преобр. суд. части.

⁴⁴ Кн. Гагарин, гр. Сумароков, Бахтин, Норов, кн. Горчаков, Брок, Мятлин, Ковалевский, Княжевич, Назимов, Тымовский, Платонов, Муханов, гр. Толстой, Гернгросс.

⁴⁵ Великий князь Константин Николаевич, гр. Клейнмихель, бар. Корф, граф Строганов, Танеев, Гасфорт, Литке, гр. Панин, Плаутин, гр. Муравьев 2-й, гр. Муравьев-Амурский, Игнатъев, кн. Суворов, бар. Ливен, Толстой, Д. Милютин, Валуев, Рейтерн, Татионов, Н. Милютин, Замятин, Граббе, Герстфельд, Мезенцев.

⁴⁶ Какое большое значение придавалось этому вопросу явствует из того, что сначала Министерство юстиции сносилось по этому предмету с дрезденским стенографическим обществом, а потом была образована, согласно Высочайше утвержденному положению Совета министров, специальная комиссия под председательством попечителя учебного округа И. Д. (впоследствии графа) Делянова. Она объявила конкурс за лучшее руководство в русской «быстрописи» или «краткописи» и признала нужным ввести преподавание стенографии в некоторых петербургских гимназиях и открыть публичные курсы. (См. «*Журн. Мин. Юстиции*», 1865. № 11. С. 257–259).

удачных, но при данных обстоятельствах ничего нельзя было лучше придумать во избежание затянуть открытие нового суда. В Москве было приспособлено монументальное здание сената; в губернских же городах, куда лично ездил Д. Н. Замятнин, пришлось довольствоваться старыми зданиями присутственных мест, в общем, очень ветхими и неудобными⁴⁷.

Другой вопрос, вопрос несравненно большей важности – это было назначение на судебные должности. Этот вопрос сильно озабочивал творцов Судебных Уставов. Чтобы не откладывать реформу в долгий ящик, они решились даже на исключительную меру, и предлагали в течение первых трех лет лишить судей prerogative несменяемости. Но Государственный совет имел дальновидную проницательность сообразить, что отмена несменяемости, *именно в первые годы*, может совершенно исказить молодое учреждение, и отверг проектированное ограничение⁴⁸. Министру юстиции приходилось, таким образом, делать выборы крайне ответственные, бесповоротные и почти предрешавшие судьбу великого начинания. Затруднительность положения Замятнина увеличивалась тем, что нужно было сразу, одновременно, найти кандидатов на огромное число должностей: 8 сенаторов, 50 председателей и их товарищей, 144 члена палат и окружных судов, 192 судебных следователя, 123 чина прокурорского надзора. С другой стороны, Замятнин лишен был только драгоценного подспорья, которое дает ст. 213 учр. суд. уст. в виде рекомендации судебных коллегий на открывшуюся вакантную должность. Однако Замятнин, благодаря деятельному содействию Н. И. Стояновского, с честью вышел из своего крайне затруднительного и щекотливого положения.

Чтобы удачно выполнить свою трудную задачу, Д. Н. Замятнин решил отступить от административной рутины, обыкновенно руководствовавшейся или числом лет сидения на одном месте или «протекцией». Замятнин взял другой критерий: личные дарования, основательное знакомство кандидатов с юридическими науками и судебную опытность, а также личное знакомство с ними и близкое наблюдение над их деятельностью. С этой целью он часто посещал судебные места и внимательно следил за гласным судоговорением, которое с конца 1865 г. уже открыто было в старых судах⁴⁹, обзирал делопроизводство и проч. Благодаря этому новому методу, Замятнин, в общем, подобрал такой блестящий персонал первого назначения⁵⁰, который и прежде и теперь вызывает всеобщее удивление и признательность. Память об этих первых благородных пионерах суда «правого и милостивого» до сих пор живет в памяти нового суда.

Откуда явилось столько талантливых, знающих и честных людей, сразу сумевших освоиться с новыми, незнакомыми формами судопроизводства, возвысить судебное дело и судебское звание так, что вчерашний невежественный продажный суд казался чем-то страшно отдаленным, преданием старины глубокой? Кроме высоких нравственных качеств, в общем, удачно подобранного персонала, тут очень много значила *школа*, созданная судебною реформой, благодаря несменяемости и тому духу доверия и уважения к честной независимости судьи, к его человеческому достоинству, которыми проникнуты Судебные Уставы. По справедливому замечанию одного из публицистов того времени, а именно Каткова, «различие между старыми и новыми судами заключалось в том, что прежние портили людей, а новые исправляют их и

⁴⁷ См. подробности: в моей «Странице из истории судебной реформы». М., 1883. Гл. VI, а также: в превосходной статье сенатора д-ра А. Ф. Кони («*Книжки Недели*», 1882. № 3) «Новые мехи и новое вино», в живом очерке передающей историю устройства нового суда и его первых дебютов.

⁴⁸ См. с. LXVIII Дела о преобраз. суд. части в России.

⁴⁹ См. об обстоятельствах, при коих состоялось назначение первого председателя С.-Петербургского окружного суда Г. Н. Мотовилова. «*Жур. Гражд. и Угол. Права*», 1881. № 6.

⁵⁰ Список напечатан в приложении к названной книге моей. – В указанной статье сенатора Кони имеются и меткие характеристики первых судебных деятелей. – Полный список персонала петербургских судебных установлений см. в юбилейном издании Хартулари – «Итоги прошлого». СПб., 1891.

воспитывают!»! *Великое учреждение* тем и бывает велико, – говорил тот же публицист, – что *создает* людей, способных проводить в жизнь созданное им новое начало»⁵¹.

Судебная реформа доказала, – говорил «*Вестник Европы*» вскоре после открытия новых судебных установлений, – что наше общество не так безлюдно, как на то ссылаются часто, желая доказать, что у нас реформы преждевременны. Реформа сделана чуть не вчера, а далеко не вчера родились люди, взявшие на себя с самоотвержением и охотою тяжкие обязанности судей. Не служит ли это доказательством, что так называемое безлюдье бывает часто не что иное, как *отсутствие возможности для людей честного характера, прямого ума обнаружить свою деятельность*? Нам нередко говорят: «Вы будьте прежде сыты, а затем мы дадим вам есть», между тем не замечают того, что можно жить в известных условиях, которые не позволяют человеку обнаружить своих достоинств»⁵².

III

Трудные и сложные приготовления были окончены, и на 17 апреля, день рождения Царя-Освободителя, было назначено открытие в Петербурге *первых* судебных установлений нового образца. Ввиду печального события 4 апреля 1866 г., сначала предполагалось отложить торжество открытия нового суда, но впоследствии решено было держаться первоначальной программы.

14 апреля Александр II посетил только что отделанное здание нового суда на Литейном проспекте. Замятнин представил Государю вновь назначенный судебный персонал, к которому на прощанье Александр II обратился с следующими словами: «Я надеюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вам доверие и будете исполнять новые ваши обязанности добросовестно, по долгу чести и верноподданнической присяги, что, впрочем, одно и то же. Итак, в добрый час, начинайте благое дело». Освящение здания судебных установлений происходило 16 апреля, а торжественное открытие—17 апреля. По описанию тогдашних газет, торжество сопровождалось неприятными метеорологическими предзнаменованиями: в этот день в Петербурге стояла отвратительная погода – с утра дул холодный ветер и шел снег и дождь, вскрывшаяся перед тем Нева покрылась тонким слоем льда⁵³.

В половине второго, согласно Высочайше утвержденному церемониалу, собрались в здании нового суда послы, члены Государственного совета, сенаторы и новый судебный персонал. Товарищ министра юстиции, Н. И. Стояновский прочел высочайшие повеления 19 марта и 13 апреля 1866 г. об открытии судебных установлений; директор департамента, бар. Врангель, – список лиц, назначенных на судебные должности, и список присяжных поверенных. Затем министр юстиции, Д. Н. Замятнин (1881), произнес следующую речь: «На вашу долю выпал завидный жребий, – так начал Замятнин, – провести в жизнь многозначительные слова августейшего монарха: „Правда и милость да царствуют в судах“. Велико доверие, оказанное вам этим выбором. Вам доверяется охранение самых священных интересов отдельных лиц, общества и целого государства. Вместе с тем вам открываются и все способы для возможно успешного достижения высокой цели. Царь-Освободитель, даровавший сперва крестьянам свободу от крепостной зависимости, потом сливший отдельные сословия в одну земскую семью, совершает ныне над судебною властью новый подвиг своей благотворной деятельности и дает всем судебным установлениям от высших и до низших *полную самостоятельность*. Но вспомним, – продолжал оратор, – что чем выше благо, тем большие оно налагает обязанности и ответственности. Не сомневаюсь, что вы ими вполне прониклись. Никому уже не будет права

⁵¹ См. «*Моск. Вед.*», 1866. № 273.

⁵² См. «*Вестник Европы*», 1866. № 4.

⁵³ С. «*Моск. Вед.*», 1866. № 63.

ссылаться в оправдание своих действий и решений ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются в руководство полные Уставы, составляющие, можно сказать, последнее слово юридической науки, ни на недостатки законов о доказательствах, потому что определение силы их предоставлено голосу совести. Вы не будете иметь возможности ссылаться и на предписания начальства. Государь, и с ним вся Россия, – продолжал министр, – ждут от вас водворения суда скорого, правого, милостивого и равного для всех, утверждения в нашем отечестве того уважения к закону, без которого немислимо общественное благосостояние. Уважение это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать пример строгим и точным исполнением предписаний закона, когда все убедятся, что кто бы ни прибегнул к вашему суду, богатый или бедный, вельможа или простолюдин, всякий найдет у вас *равную* защиту и покровительство своим законным требованиям и *самое* противодействие несправедливым стремлениям. Завязывая свои глаза перед *всякими внешними и посторонними влияниями*, вы тем полнее раскроете внутренние очи совести и тем беспристрастнее будете взвешивать на весах правосудия правоту или неправоту подлежащих вашему обсуждению требований и деяний.

«Но для полного успеха предпринимаемого судебного преобразования недостаточно одной деятельности судебных установлений. Здесь необходимо благонамеренное содействие вновь образуемого у нас сословия присяжных поверенных. Вам, господа, посвящаящим себя на защиту перед судом законных прав лиц, лишенных возможности самим это исполнить, – сказал министр, обращаясь к присяжным поверенным, – предстоит на избранном вами поприще много труда и большая ответственность. Судебные места при разрешении дел будут руководствоваться преимущественно теми данными, которые вы им представите; поэтому во многих случаях от ваших познаний и образа действий будут зависеть благосостояние и честь ваших доверителей. Одно уже поступление в сословие присяжных поверенных дает право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущего круга действий и что вы все единодушно, рука об руку с судебными властями, пойдете по пути, предуказанному вам священным чувством долга, точное исполнение которого стяжает вам высшую для вас награду – общественное доверие и уважение»⁵⁴.

⁵⁴ «Журнал Министерства Юстиции», 1886. № 4. В 1897 г. и Сибирь дождалась, наконец, введения Судебных Уставов, но к несчастью, без главного органа истинного правосудия, без суда присяжных. Очень рельефно и метко очерчены в речи, произнесенной 2 июля 1897 г. министром юстиции Н. В. Муравьевым в Иркутске при открытии новых судебных установлений, как значение новой судебной магистратуры, так и духа и основной тенденции правосудия по уставам Александра II, которые с течением времени стали, к сожалению, забываться и в коренной России под влиянием окружающих неблагоприятных обстоятельств. «Суд по Судебным Уставам, – сказал статс-секретарь Муравьев, – тот суд, над входом которого нет других слов, кроме правды и милости, – это суд, отправляемый от царского имени высокостоящею судебною властью, суд отдельный и независимый – не тем, конечно, чтобы органы его составляли объединенное, ревниво замкнутое в себе ведомство, а тем, что никто и ничто сверх закона и совести не управляет и не руководит правосудием. Задачи суда обуславливают дружное в законных пределах единение его с другими правительственными властями, но те же задачи не допускают, без ущерба для дела, смешения полномочия и ведения. И потому полицейское следствие отходит в область прошедшего; судебные действия, приговоры и решения поверяются единственно в порядке судебных инстанций и уже не подлежат ничему постороннему контролю или утверждению. Суд отправляется не заурядными чиновниками, а *судебными деятелями*, совмещающими вместе с нравственными и умственными качествами, требуемыми судебною службою, еще строгие условия образования и практической подготовки. Судебная карьера судебных чинов обставлена точными правилами; судьба каждого, прежде всего, в его собственных руках, завися от его трудов и способностей; свобода судейской совести ограждается *несменяемостью* коллегиальных судей; суды сами поддерживают и охраняют внутреннюю свою дисциплину, но зато в отдельности и коллективно несут и ответственность за всякое ее нарушение». Если не *de facto*, то *de jure*, таков именно суд, созданный Уставами Александра II, но строй этот, к сожалению, сильно поколеблен последующими новеллами и практикою. Разъяснению духа судебной реформы г. министр посвятил следующие прекрасные строки: «Суд совершается устно, т. е. судьи видят перед собою живых людей, слышат живую их речь, судят по непосредственным личным своим впечатлениям, а не по мертвым бумагам, которые так часто бывают слепы и глухи к жизненной правде. Суд творится публично, открыто, на виду у всех, на глазах у общества и не с ограниченным, как бы едва терпимым допущением посторонних слушателей и зрителей, а с тою широкою обыною гласностью, которая, составляя основную черту новой юстиции, вошла в плоть и кровь ее и предполагает не одно только удовлетворение любопытства или любознательности, но и свободное обсуждение, критику. Сбросивший оковы формализма и письменности, выведенный на свежий воздух из мрака и духоты канцелярии, новый суд не столько разыскивает, сколько с спокойствием

Открытие нового суда было встречено восторженным сочувствием со стороны общества и печати. С.-Петербургская Дума во всеподданнейшем адресе своем, между прочим, писала: «Открытие нового суда наполнило радостью сердца всех верноподданных, какую Россия испытывала в лучшие минуты своего исторического существования».

Что касается печати, то она в стихах и в прозе горячо приветствовала радостное событие, «долженствовавшее положить ясную черту между настоящим и грядущим»⁵⁵. Отец известного юриста Ф. А. Кони на обеде, данном в Петербурге в клубе художников 17 апреля в честь открытия нового суда, приветствовал это событие в следующих стихах:

На рубеже тысячелетья
Возник в России человек,
Какого ждали мы столетья,
Кто славой озарил наш век.
Питомец пылкого поэта
И правды ревностной стратег,
Среди дворца, в молодые лета —
Он боли русские постиг
И порешил в уме державном,
Воссев на прадедовский трон,
Поставить в царстве православном
Свободу, правду и закон.

.....

«Нам рано, рано!» в злобе страстной
Кричал испуган барства цвет...
– Пора! Сказал Он им в ответ;
Махнул рукой своей всевластной —
И бысть в России свет!
Печальный гул народных стонов
Он в клик восторга превратил;

беспристрастия разрешает без ухищрений, по закону и убеждению, происходящий перед ним правомерный суд двух равноправных сторон: обвинителя и обвиняемого, истца и ответчика. Всякий считается правым и честным, пока противное не будет доказано тем, кто ищет или обвиняет. Из столкновения фактов и мнений добывается истина, но всякое в ней сомнение толкуется не в сторону подозрения или взыскания, а в пользу правоты и невинности. Суд ведает по делам, не по лицам; перед ним равны сильный и слабый, богатый и бедный; суд воздает каждому должное, но помнит, что кому много дано, с того много и взыщется. Суд признает в каждом пред ним предстоящем его *человеческую и гражданскую* личность, его неотъемлемые права. Даже карая и взыскивая, суд *бережет человека, а не угнетает и унижает его*. И самый закон, этот высший принцип судебной деятельности, прилагается новым судом не как механическое, сухое воздействие на людей, а как благотворная сила, вносящая в общежитие мир, покой и порядок. Общественная жизнь и частное личное существование должно сделаться легче при новом суде». С искренним удовольствием прочтут почитатели Судебных Уставов эти старые заветы их, отошедшие, казалось, в область «забытых слов». Приглашая деятелей судебного ведомства «к сознательному и идейному служению высоким началам преобразованного суда», г. министр юстиции напомнил, что судьи существуют для общества, а не наоборот, что правый и равный суд может быть только при скорости, потому что всякая правда теряется при судебном томлении. В заключение своей речи статс-секретарь Муравьев указал новым пионерам правосудия об их высоком призвании водворить законность на окраине, искони лишенной этого блага: «Некогда Русь, – говорил он, – силою, оружием, кровью покорила Сибирь, теперь черед завоевания светом, законностью, справедливостью». Говоря о трудностях нового положения, оратор с необычайною теплотою отзывался об условиях живого отправления судебных обязанностей. «Последним общим моим пожеланием да будет, – сказал он, – то драгоценное свойство убежденной работы, тот чудный дар неба, который одушевляет самого скромного труженика, животворит самую тяжелую деятельность. Любите, господа, судебное дело, вам вверенное, – оно достойно того; влагайте в него душу живую, болейте за него сердцем, радуйтесь преуспеянию его – и, укрепляясь и совершенствуясь, оно само подкрепит и поддержит нас в горькие минуты уединения и испытания». («Ж. М. Ю.», 1897. № 7).

⁵⁵ См. «Моск. Вед.», 1866. № 156.

Снял узы рабства с миллионов
И цепи узников разбил.
Свободной мысли и глаголу
Он дал гражданские права,
И смело к царскому престолу
Пошла народная молва.
Гордится Русь! Ликуют села!
Свободной воле нет препон,
И на обломках произвола
Царит теперь закон.

IV

Лучшая часть политической прессы без различия оттенков с нескрываемым восторгом приветствовала введение Судебных Уставов в действие, как зарю «обновления России» и водворение в ней порядков, благодаря которым «становится возможным жить в ней, как в стране цивилизованной»⁵⁶. «Одно из самых необходимых и самых плодотворных условий цивилизации, – писали „*Моск. Вед.*“ в разъяснение значения нового суда, – есть правильное судебное устройство, и его *впервые* получает Россия. Народная жизнь, где стихия права не имеет надлежащего развития, *не способна* ни к какому благоустройству и находится в состоянии *варварства и бессилия*; все, чем только дорожит человеческое общество, предполагает *прежде всего* идею законности и обеспечивается прежде всего ее развитием и осуществлением в жизни. Законность же и право становятся действительностью, где суд есть *сила независимая и самостоятельная*. Только с точки зрения *нового* судебного преобразования раскрывается широкая перспектива нашей политической будущности. С этим преобразованием входит в нашу жизнь *совершенно новое* начало, которое положит явственную грань между прошедшим и грядущим, которое не замедлит отозваться *во всем*... Действие его не ограничится только сферой собственно судебных установлений: как тонкая стихия, она *разольется повсюду* и всему даст новое значение, новую силу. Суд, отправляемый публично и *при участии присяжных*, будет *живою общественною силою*. Суд независимый и самостоятельный, *не подлежащий административному контролю, возвысит и облагородит общественную среду*, ибо через него этот характер независимости сообщится и *во всем проявлениям* общественной жизни. Только благодаря этому нововведению, то, что называется законною свободою и обеспечением права, будет уже *не словами*, а делом... Вот какому великому делу полагается теперь основание, вот до чего суждено было дожить нам, вот что представляется живущему ныне поколению⁵⁷ *утвердить и ввести в силу*».

⁵⁶ См. «*Моск. Вед.*», 1866. № 198.

⁵⁷ См. «*Моск. Вед.*», 1866. № 86. До какой неразборчивости в средствах борьбы против суда доходили «родовитые представители этого поколения», «революционные консерваторы», как их назвал Самарин, можно судить по следующему образцу, сообщаемому Никитенко: в английском клубе (в Петербурге) члены сделали складчину для выкупа долгов грязного памфлетиста И.Арс. за то, что «он взялся ругать новые суды», что он и исполнил тотчас после выхода из долговой тюрьмы к удовольствию своих высокопоставленных покровителей (Никитенко, III, 161). Самые опасные враги наши, замечает Никитенко, не поляки, не нигилисты, а те государственные люди, которые делают нигилистов: это закрыватели земских учреждений и подкапыватели судов. Ничего нет невозможного, если наше земство и суды наши будут подорваны этими врагами. – Лучше не давать ничего, чем, давши, брать назад. У крепкого здорового тела выросла на носу бородавка. Вместо того, чтобы употребить местное средство или даже оставить ее так, потому что она в сущности ничему не мешала, невежда доктор отрезает нос. В будущности России я не отчаиваюсь, потому что народ есть все-таки сила, но я отчаиваюсь в том, чтобы в России установилась когда-нибудь хорошая администрация («Дневник», III, 156).

Выполнило ли современное открытие нового суда поколение это свое благородное назначение и, если не выполнило, то какие были к тому препятствия? Лучший ответ⁵⁸ на этот вопрос находим в статьях той же газеты, наглядно указывающих на неблагоприятные условия, среди которых пришлось действовать новым судебным учреждениям. «Новый вступающий в жизнь порядок, – заявляла газета М. Н. Каткова, – встречается со старыми понятиями и навыками, и весьма естественно возникает опасение, что он будет понимаем неправильно. Новые порядки должны сталкиваться со старыми, которые существуют издавна и господствовали до сих пор исключительно. До сих пор бюрократическая администрация была у нас *все во всем*. Прежние судебные учреждения были только придатком к администрации. Теперь является новое начало, которое должно оказать действие *повсюду* и видоизменить весь строй нашего гражданского быта. Будут делаемы разного рода покушения⁵⁹, попытки, – меланхолически замечала газета, – подорвать силу нового порядка. Так везде (?) и всегда (?) бывает»⁶⁰.

Когда это опасение стало оправдываться, и уже летом 1866 г. стали обнаруживаться «покушения подорвать силу» новых судебных порядков (ограничить гласность и независимость суда), «*Московские Ведомости*» ответили целым рядом замечательных по искренности и убедительности статей⁶¹, направленных против врагов судебной реформы, «принимающих

⁵⁸ Еще в 1884 г. акад. Никитенко писал: «Новые законы (Судебные Уставы) сначала наделают много суматохи. Их не сумеют ни понять, ни оценить, ни применить. Но не должно от этого приходить в отчаяние, как не должно приводить в отчаяние от летнего дождя, который смачивает на вас платье, но приготовляет обильную жатву». («*Русск. Стар.*», 1891. № 5. С.420). Чрезвычайно неблагоприятным условием для правильного действия новых судов было то обстоятельство, что вдохновителем внутренней политики в 60-х гг. был П. А. Валуев, человек непомерного властолюбия, самонадеянности и нетерпимости. Выдвинувшийся в 1855 г. благодаря своим либеральным взглядам (см. гл. V), он стал в 1862 г. орудием «мягкостелюшей» реакции, «мягкие формы» коей особенно возмущали Салтыкова («Ах! как бы я тебя жамкнул, кабы только умел». Соч., II, 12). В «Думе Русского» осуждавший николаевские времена за «нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания», П. А. Валуев, став министром, сделался нетерпимым до крайности, с особенною, чисто болезненною, по свидетельству Никитенко, раздражительностью начал относиться к первым самостоятельным шагам печати, освобожденной от предварительной цензуры (см. гл. VII), и должен был неминуемо столкнуться с независимым новым судом. Если даже старые суды, вполне зависимые от администрации, не всегда решались ломать законы в угоду прихотливым указаниям Валуева, то новые суды должны были оказаться еще менее способными угодить ему. Первый же литературный процесс в С.-Петербургском окружном суде в августе 1866 г. вывел Валуева из себя. Судились временный редактор «*Современника*» АН. Пыпин и один из главных его сотрудников (впоследствии управляющий Государственным банком) Ю. Г. Жуковский за «Вопрос молодого поколения», в котором П. А. Валуев видел оскорбление дворянства. Окружный суд (конечно, без присяжных) оправдал подсудимых, от чего П. А. Валуев пришел в страшную ярость, хотя дело подлежало еще обжалованию во вторую инстанцию. Раньше, чем состоялось решение второй инстанции (она подсудимых обвинила и назначила им легкий арест, чему они крайне обрадовались, так как опасались административной высылки в случае вторичного оправдания), вошел к государю с докладом о немедленной смене, вопреки ст. 243 Учр. суд. уст., без следствия и суда председателя окружного суда Г. Н. Мотовилова. Удаление Мотовилова совсем было уже дело решенное, не состоялось только благодаря современному вмешательству министра юстиции Д. Н. Замятина, сославшегося на неудобство смены судьи без следствия и суда после только что провозглашенной несменяемости, тем более, что Мотовилов не только не участвовал в заседании по делу «*Современника*», но и уехал из Петербурга, пользуясь вакантным временем. Но Валуев не унялся. Он внес в Государственный совет, даже не снесясь вопреки ст. 201, т. I Общ. Наказ, с министром юстиции, проект новых правил о суде по делам печати, в коем он, между прочим, требовал безусловного подчинения прокуратуры по делам печати указаниям цензурного ведомства. Это домогательство было отвергнуто Государственным советом, но Валуев добился издания *первой* новеллы к Судебным Устам – закона 12 декабря 1866 г., коим для дел о печати первую инстанцию назначалась судебная палата, и число инстанций с трех сводилось к двум. М. Н. Катков выразил сильный протест против такого стеснения прав печати, ссылаясь на неудобство уничтожения для нее целой инстанции.

⁵⁹ Сравнивая форму деятельности суда и администрации, та же газета писала: «Покуда суд будет действовать размерно на одной хотя и большой своей дороге, не *дерзая* отступать от определений закона, у администрации будут в распоряжении *тысячи проселочных* путей, на которых она может действовать быстро и свободно распоряжаться по своему усмотрению». (*Моск. Вед.*, 1865. № 92).

⁶⁰ «*Моск. Вед.*», 1866. № 146 и 198.

⁶¹ Акад. Никитенко, отмечая с сочувствием борьбу М. Н. Каткова с Валуевым и вообще с администрацией из-за нового суда, приводит массу фактов в подтверждение крайне враждебного отношения администрации к новому суду. Главная задача гр. П. А. Шувалова (шефа жандармов) и П. А. Валуева (мин. внутр. дел), – пишет он еще осенью 1866 г., – вдвоем управлять Россию полицейским образом, один посредством общей, другой посредством тайной полиции, и подорвать суды, т. е. взять их *под опеку администрации*, – Он же передает, что Валуев отстоял «*Весть*», где была напечатана по его заказу (sic) статья, обвиняющая суды в революционных стремлениях (см. «*Дневник*», III, 115–119). Особенное ожесточение против суда вызвало оправдание чиновника Протопопова, обвинявшегося в нанесении удара начальнику своему гр. Кошкелю (см. «*Итоги прошлого*», К. Ф. Хартулари. СПб., 1891. С.3 и след.) и признанного душевнобольным. Несмотря на это, Валуев и др. делали

личину консерватизма». «Все, что есть живого, мыслящего, разумющего, – писал Катков, – не может не быть глубоко затронуто судьбою возникающего на Руси нового порядка. Не было ли бы грустно, если бы отмена крепостного права ограничилась только его формой и оставила его сущность? Но было бы не менее грустно, если новый порядок был только формой *без сущности*. Вот почему оскорбителен всякий *намек*, клонящийся к тому, чтобы затемнить сущность нового порядка вещей, чтобы из него *вынуть его душу* и оставить шелуху, которая давала бы сильнее чувствовать тщету начинания. Действительно ли наше судебное преобразование должно вывести на *новые* пути, дабы Россия могла держаться *достойным образом среди других наций*, чтобы гений ее народа мог обнаружить свою силу, оправдать наше прошлое, оплодотворить наше настоящее? *Правда ли*, – патетически вопрошал Катков, употребляя любимую Герценовскую фигуру, – что это *всеоживляющее, всевозбуждающее* начало публичности, дающее всему свет и призывающее всех к сознательному участию в интересах своего отечества, – начало, без которого ничто не *может правильно и плодотворно развиваться, ничто не может уберечься от порчи и гниения*, ничто не может быть обеспечено от обманов и злоупотреблений, *правда ли*, что это начало вошло в нашу жизнь, или это только *мерцание*, лишенное сущности, призрак, готовый исчезнуть? *Правда ли*, что в настоящее время положены основы независимой судебной власти; *правда ли*, что мы имеем судебные учреждения, которыми обеспечивается закон и право, и *весь народ* привлекается к действительному участию в правосудии? Есть ли это действительность или это только *фантом*? Для вида ли только судебная власть признана независимую и самостоятельную, и она поставлена так, что для нее обязательны только закон и правда?»

После известного рескрипта на имя председателя Комитета министров князя П. П. Гагарина, последовавшего 13 мая 1866 г.⁶², и издания Положения Комитета 22 июня 1866 г. о про странстве и пределах губернаторской власти мин. юстиции Замятнин вынужден был разослать согласно Положению циркуляр⁶³, в котором он разъяснил, что чины судебного ведомства «в случае вызова их или приглашения обязаны непременно подчиниться законным требованиям его и оказывать ему должное уважение, на которое он, как представитель высшей в губернии власти, имеет неотъемлемое право».

большие усилия, чтобы добиться кассации вердикта. По поводу оправдания Протопопова «*Весть*», пишет Никитенко, прямо обвиняет суд в революционных стремлениях (статья была внушена П. А. Валуевым. С. 119 «Дневника»). Неудивительно, – продолжает Никитенко, – если с судами последует то же, что с земскими учреждениями (т. е. парализация. С. 159). Вот будет скандал, если Сенат отменит решение суда и велит наказать бедного Протопопова, признанного сумасшедшим, как этого желают Валуев и некоторые другие чиновники «для примера другим». Кому? сумасшедшим? – спрашивает Никитенко (С. 146–147). После дела Протопопова, сообщает Никитенко, отняли портфель у мин. юст. Замятина (С. 148), а когда Сенат отверг протест прокурора по делу, Никитенко пишет: «Событие замечательное и отрадное». (Т. III. «Дневник». С. 153). – П. А. Валуев враждовал с новым судом также за литературные процессы, в которых судьи не могли без нарушения закона усвоить «политику» Валуева, основанную на личных интересах (см. Никитенко, III, 48, о мотивах первого предостережен. «С.-Петерб. Ведом.»), личной вражде и стремлении *de facto* отнять у печати дарованные законом льготы (см. там же, 58, 75, 128–129). Даже старые суды отвергали раздутые обвинения, предъявляемые цензурою, например, по делу Краевского и др. (С. 77) и тем более независимости показывали новые суды, например, по делу Пыпина и Жуковского (С. 116). Вслед за этим делом, как сказано, Валуев добился изменения подсудности по делам печати.

⁶² Рескрипт, – пишет Никитенко, – произвел неприятное впечатление. Полагают, что он еще больше уронит наш кредит за границу, а внутри он может подать повод к злоупотреблениям власти. Я думаю, главное его неудобство – неловкое изложение, если уж сочтено нужным излагать то, что в нем содержится. («Дневник», III, 102). В рескрипте говорилось, между прочим, что нужно иметь в виду для борьбы с социальными учениями «содействие тех других, здравых охранительных и добронадежных сил, которыми Россия обильна». Затем упоминалось, чтобы начальствующие требовали от подчиненных «того прямого, точного и неуклонного исполнения обязанностей, без которого невозможен стройный ход управления». («*Север. Почта*», 1866. № 62). Слова эти были поняты реакционною «*Вестью*» (№ 38) так, что не должны оставаться на службе лица, не разделяющие ее взгляда на дворянство. На ошибочность такого понимания возражали «*Отечест. Записки*» (июнь 1866. С. 11–116).

⁶³ Мин. внутр. дел П. А. Валуев также разослал циркуляр губернаторам. – Как своеобразно поняли иные губернаторы свое новое положение, можно судить по следующему факту: калужский губернатор представил высшему начальству о необходимости выслать из Калуги не то председателя, не то члена Гражданской Палаты за его неблагонадежность, в случае могущего последовать в Калужской губернии возмущения» (Никитенко, II, 131).

«*Московские Ведомости*» с нескрываемым неудовольствием отнеслись к тенденции и цели этого циркуляра. Свое неудовольствие сорвал Катков прежде всего на газете «*Судебный Вестник*», в котором циркуляр был назван *предписанием*. Сославшись на то, что судебные места не находятся в прямом подчинении Министерству юстиции, Катков указывал, что оно не может сношаться с ними предписаниями, и потому это неправильное название он относил к недосмотру редакции «*Судебного Вестника*». Обращаясь к разбору циркуляра по существу, московский публицист писал: «Тщательно справляясь с Судебными Уставами, *единственным* законодательством, которое, вызвав к жизни новые суды, служит нормой отношений последних ко всем бывшим до него государственным учреждениям, мы не находим *ни малейшего*, хотя бы самого отдаленного указания на то, в каких случаях мог бы представиться губернатору повод вызвать или пригласить к себе лиц, принадлежащих к судебному ведомству. Соображаясь с Судебными Уставами, мы, например, *никак не можем вообразить себе* такой случай, чтобы губернатору представилась надобность в видах ли интересов общего управления, с одной стороны, или интересов правосудия, с другой – вызвать к себе председателя мирового съезда или окружного суда, находящихся в уездах, и чтобы тот или другой все в тех же интересах должны были оставить свои текущие занятия, ехать, быть может, за сотни верст, чтобы явиться по зову губернатора. Повторяем, Судебные Уставы 20 ноября не содержат в себе ни одного указания на возможность какого-либо соприкосновения судебных мест и власти губернатора. Это до такой степени верно, что, сколько нам известно, во всех уставах, не исключая и позднейших прибавлений к ним, слово *губернатор* только упоминается при составлении списка присяжных. А между тем нельзя сказать, что Судебные Уставы оставили сколько-нибудь неясным вопрос о порядке подчиненности судебных мест (ст. 249 учр. суд. уст.). Надобно полагать, что права, предоставленные губернаторам по отношению к лицам судебного ведомства, как сказано в самом Положении Комитета министров, «совершенно независящим» в своей служебной деятельности от их влияния, *нисколько не касаются отправления правосудия*, равно как то уважение, к которому при всей независимости своей обязываются лица судебного ведомства по отношению к губернаторам, не может состоять в исполнении каких-либо распоряжений или *внушений в делах правосудия*. Не относясь к судебным должностям, Положение, о котором идет речь, поэтому может быть принимаемо только в самом общем смысле. Так, в высокочественные дни служащие лица всех ведомств, хотя бы и совершенно не зависящие от губернатора, являются к нему с поздравлением; так же точно предполагается случай, когда губернатору может представиться надобность объяснить с председателем палаты или окружного суда по какому-нибудь делу, не имеющему прямого отношения к их служебным по суду обязанностям (ибо дела судебные строго ограждены от всякого вмешательства администрации), и в таком предположении губернатору предоставлено право приглашения к себе точно так же, как иногда приглашает он к себе частных и ни на какой службе не состоящих лиц. При этом всякий, конечно, пожелает, чтобы с успехами благоустройства *не выростала, а уменьшалась* возможность подобных случаев»⁶⁴.

Через несколько времени пришлось снова выступить талантливому защитнику основ судебной реформы по поводу нападок на мировые учреждения тогдашних «революционных консерваторов», подвизавшихся в реакционной «*Вести*», и Катков заключил свою честную отповедь такими словами: «Одно мы считаем себя вправе сказать, – заявляет он, – уже и теперь великая (судебная) реформа *вполне оправдала*⁶⁵ те горячие надежды, какие на нее возлагались,

⁶⁴ «Московск. Ведом.», 1866. № 240.

⁶⁵ В 1867 г. Никитенко сам исполнял обязанности присяжного заседателя и вынес из суда самое благоприятное впечатление. «Все велось, – заносит он в свой «Дневник», — с большим достоинством, добросовестно и с строгим соблюдением всех законных требований. Подсудимые видели, что ничего не было упущено для облегчения их судьбы, и если они подверглись каре, то эту кару наложил на них закон, а не произвол судей. Говорят, – пишет он далее, – министр юстиции (гр. Пален, единомышленник Валуева) объяснялся с председ. окружного суда и заметил, что присяжные не оправдали (? см. ниже § 3 главы

и лучшее пожелание русского патриота состоит в том, чтобы из этого здания не было вынимаемо камней, чтобы изменения Судебных Уставов допускались лишь в случае очевидной необходимости и притом согласовались с *общим* духом новой системы»⁶⁶.

Трудно было рельефнее, красноречивее и искреннее выразить сущность нового суда и протест против тех враждебных условий, которые окружали его деятельность!.. За эту горячую поддержку, оказанную Судебным Уставом в трудное время их существования М. Н. Катковым, быть может, многое ему простится из последующего возмутительного поведения его относительно нового суда...

Об условиях деятельности нового суда трактовала и газета «Голос». В статье, появившейся 17 апреля 1866 г., «Голос», назвав судебную реформу «изведением русского народа из юридической неволи», писал между прочим: «Может быть, даже вероятно, что при этом исходе, подобно ветхозаветным евреям, и мы, отученные горьким подневольным прошлым от честной и разумной гражданской жизни, со всеми подобающими ей правами, не вдруг, не тотчас вступим в обетованную землю; быть может, даже вероятно, придется пространствовать по бесплодной пустыне ошибок и промахов и *опять поклоняться золотому тельцу*, которого так долго обожали. Но что за дело? Все-таки да будет благословен Моисей, изведший нас из неволи, пишущий и дающий нам скрижали нового завета для новой жизни»⁶⁷.

Все эти более или менее мрачные предсказания сбылись: блуждание по «пустыне промахов» началось скоро и продолжалось долго и длится вплоть до наших дней. По иронии судьбы впереди всех в операции «вынимания камней из здания нового суда» оказался впоследствии в своих нападках на новый суд один из вышеупомянутых публицистов – М. Н. Катков, когда-то самый горячий поборник судебной реформы.

Не дорожим
Мы шагом к прочному прогрессу.
День, два все полны грез и веры.
А завтра с радостью глядят,
Как рановременные меры
Теряют должные размеры
И с треском пятятся назад!!!...

Грустно вспомнить об этом тяжелом для нового суда времени. Новый гласный суд, суд равный, правый и милостивый, очутился в 80-х гг. под немилостивым Шемякиным судом его недавних друзей в положении травмированного красного зверя. В защиту принципов нового суда при двусмысленном молчании Министерства юстиции едва раздавались отдельные голоса. В числе их нельзя не помянуть с признательностью авторитетный, честный голос И. С. Аксакова: «С легкой или вернее тяжелой руки *Московских Ведомостей*», — писал он в 1884 г., — прочие газеты и газетки с публикой вкуче хором ревут на новый суд: „ату его! ату!“ глумятся, ругаются, мечут грязь со свистом и хохотом во весь судебный персонал, во весь судебный институт с его прошедшим и настоящим, как будто кто им задал задачу не только поколебать его авторитет, но и омерзить его, сделать ненавистным в народных понятиях... Кричат и голосят о некоторых исключительных случаях, — с грустью указывал Аксаков, — и молчат о *десятках*

XII Отчет мин. юст. Замятина) ожиданий правительства, которое надеялось найти в них консервативный элемент, и находит противное (?). — Пред уходом из суда Никитенко беседовал с прокурором. Он с глубоким прискорбием жаловался на то, что администрация всячески старается вредить судам, и если встретится какая-нибудь ошибка с их стороны, администрация с ума сходит от радости. Коснувшись нынешних сессий, прокурор говорил, что он был удивлен здравомыслием и беспристрастием присяжных из крестьян (III, 156–157).

⁶⁶ «Моск. Вед.», 1866. № 263.

⁶⁷ «Голос», 1866. № 105.

тысяч решений правых, молчат о той обильной деятельности правосудия, которая водворилась теперь на нашей так *еще недавно правосудной земле!* Забывают и о множестве честных, скромных, истинно доблестных тружеников».

Указав в заключение на десятки тысяч дел, ежегодно решаемых присяжными, Аксаков заканчивает свою горячую и честную отповедь недобросовестным врагам нового суда следующими словами, которые особенно кстати вспомнить ныне: «И из всех этих десятков тысяч приговоров – ни один не запятнан *корыстью*. Сладкая, благодатная уверенность! Россия ли заплатит за нее неблагодарностью? Или же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благонадежны: станете, как теперь, травить суд, пошатнете его прочность, его независимость – все вернется: и взятки, и мошенничество, и кривосудье!!!»⁶⁸.

Об этом пророческом предостережении честного публициста, близко знакомого с нашими дореформенными порядками, не бесполезно вспомнить и современным ослепленным врагам нового суда.

⁶⁸ Полное собрание сочинений Аксакова. Т. VI. С. 664.

Глава одиннадцатая

Открытие «Нового суда» в Москве и провинции (Справка к 30-летию)

Немногое из того, что совершилось прежде, и немногое из того, что может нам обещать впереди самый широкий прогресс, может сравниться по важности с судебною реформою, с этим великим преобразованием! Одно из самых необходимых и плодотворных условий цивилизации есть правильное судебное устройство, и его впервые теперь получает Россия... Суд, отправляемый публично и при участии присяжных, будет живою общественною силою, и идея законности и права станет могучим деятелем народной жизни.

Из статьи М. И. Каткова по случаю открытия москов. судеб. устан.

I

23 апреля 1866 г. в Московском Кремле в здании старого Сената, происходило знаменательное торжество, за которым вся Москва следила с напряженным вниманием: то было официальное открытие в монументальной Екатерининской зале нового гласного суда московских судебных установлений. Прежде чем излагать подробности торжества, не лишним будет напомнить довольно оригинальную судьбу этой залы, служившей до 1866 г. местом для склада сначала казенной муки, а потом старых дел военного министерства. Эта своеобразная метаморфоза составляет любопытную страничку из культурной истории недавнего прошлого.

Здание Сената в Кремле было построено в 1787 г. знаменитым архитектором Митр. Фед. Казаковым, и таким образом падает ходящая в публике легенда, будто в нем и именно в круглой зале происходили собрания депутатской комиссии для составления Уложения, созванной Екатериною II в 1767 г.⁶⁹

Все здание Сената, начиная от гранитного фундамента и до самого карниза, поражает массивностью, солидною простотою линий и замечательною пропорциональностью частей. Но в этом замечательном сооружении самое замечательное – ротонда или круглая зала, построенная в подражание римскому Пантеону. По красоте и гармонии линий нет другой подобной ротонды ни в Москве, ни в Петербурге, да и за границую найдется немного⁷⁰. Высота залы 13 саж. 1 арш., в диаметре 11 саж. 13/4 аршина. Превосходное впечатление производит великолепная колоннада коринфского стиля с канелюрою, идущая вокруг всей залы. Над колоннами хоры. Здание венчает огромный свод, усеянный кассетонами, сведенными мал мала меньше к большому венку, охватывающему замок свода. Вокруг свода над хорами 48 медальонов с изображением российских государей⁷¹.

На самое ценное украшение ротонды – это 18 прекрасных горельефов (работы немцев Юсти и Таненберга), аллегорически изображающих важнейшие события Екатерининского царствования⁷², с подписями, изъясняющими смысл их. Приводим некоторые из них: «Своею опасностью других спасает» (привитие Екатериною себе оспы). «Пустыни превращает в грады» (поселение в России колонистов, вызванных из-за границы). «Не дань, а законы при-

⁶⁹ См. ст. г. Иванова в «Чтениях Общества любителей истории и древностей российских», 1865.

⁷⁰ В здании варшавской конторы государственного банка имеется такая же ротонда, только она гораздо меньших размеров.

⁷¹ См. ст. г. Рамазанова в «Современной Летописи», 1865. № 45.

⁷² Описание и объяснение этих горельефов было сделано г. Лебедевым в «Русском Инвалиде», 1860. № 179.

емлет» (желание жить по сердцу народа). «И север художества рождает» (учреждение Академии художеств). «И вы подобно подвизаетесь» (награда военной доблести – учреждение ордена св. Георгия)⁷³. «Великому великая» (сооружение Петру В. памятника). «Погибавших спасает» (учреждение воспитательного дома). Укажем еще на один горельеф «Желание России», имеющий прямое отношение к указанному выше торжеству, исполнения которого ей пришлось ждать почти сто лет. Горельеф выражает мольбу подданных: даровать *правый суд и человеколюбивые законы*⁷⁴.

Архитектор Афанасьев, реставрировавший в 1866 г. это монументальное здание, поместил в «*Нашем Веке*» статью, в которой с негодованием указывал на то, что эта замечательная зала, один из лучших памятников русского зодчества, была обращена сначала в амбар для хранения нескольких тысяч кулей казенной муки, а потом в архив старых дел, полусъеденных мышами. Н.Ф. Павлов, помещая эту статью, с своей стороны выразил удивление по поводу вандальской метаморфозы, постигшей эту художественную ротонду. «Каким непонятным процессом диалектики, – пишет Павлов, – дошла человеческая мысль до вывода, что великолепная зала с барельефами не что иное, как самое удобное место для склада кулей муки и для хранения архивных сокровищ военного министерства; мы желали бы знать *имя* того человека, кто первый, войдя в эту ротонду и окинув ее глазом, сказал: „Вот и прекрасно! Тут поместится 500000 кулей муки“!..»

Любопытство Павлова было удовлетворено: в одной из газет того времени было указано имя этого человека, сразу все объяснившее. Это был известный... *Аракчеев*, кровожадный временщик при Александре I, печально-известный, между прочим, как изобретатель «военных поселений» и еще... особой манеры прогнания сквозь строй «без медика» (см. главу III). Дикому Аракчееву именно приписывается дикая фраза о 500 000⁷⁵ кулях муки!..

Вандальское обращение с художественною ротондою продолжалось 50 слишком лет, и только в конце 1865 г. решено было дать ей достойное ее красоты и гармонии назначение – быть местом отправления гласного суда правого и милостивого. Приспособлением здания к его новому благородному назначению занимался академик зодчий Афанасьев. Академик Афанасьев был командирован за границу для подробного осмотра лучших тамошних зданий «дворцов правосудия». Внеся в дело то благородное воодушевление, которым проникнуты были все лица, прямо или косвенно соприкасавшиеся с великими освободительными реформами 60-х гг., имевших целью возрождение России, Афанасьев необыкновенно быстро объехал важнейшие города и приготовил весьма обстоятельный доклад о результатах своей поездки.

С осени 1865 г. приступлено было к работам по приспособлению старого здания Сената для публичного судебного отправления правосудия чрез представителей общественной совести. Несмотря на холод, ненастье, работы продолжались безостановочно. Афанасьев, сам проникнутый благоговением к выпавшей на его долю задаче поработать на пользу великого дела, воодушевлял словом и примером и других «к скорому осуществлению, как он писал, благотворной мысли монарха, взывающего к воцарению правды и милости в судах».

К весне 1867 г. реставрация ротонды и ремонт сенатского здания были окончены, и великолепная круглая зала предстала во всем своем величии и красе, невольно соединяя воедино память основательницы этого здания Екатерины II и возобновителя Александра II. Отголоском этого впечатления было пожелание, высказанное еще в 1866 г., чтобы в одной из двух ниш была поставлена мраморная статуя Екатерины. «В другой же, – писал автор предложения, –

⁷³ Заметим, что по иронии судьбы, места, занимавшиеся известными Струсбергом и Ландау во время процесса ссудного банка, как раз приходились под эту надпись.

⁷⁴ «*Современная Летопись*», 1866. № 29.

⁷⁵ «*Современная Летопись*», 1866. № 29.

следует воздвигнуть мраморную статую... Кому? Про то знает чувство благоговейной признательности каждого русского»⁷⁶...

Этому трогательному желанию увековечить мраморным изваянием память творца нового суда суждено было осуществиться впоследствии, хотя и при других и притом весьма печальных обстоятельствах, служащих контрастом тому радостному и бодрому настроению, которым встречено было открытие нового суда. Из учреждения излюбленного и сосредоточившего на себе самые дорогие чаяния русского народа и общества, каким новый суд был в 60-х гг., он перешел в 80-х гг. в разряд учреждений только «терпимых», но нежеланных... Против ниши, где находится портрет Екатерины II, в другой нише был открыт 23 апреля 1884 г. мраморный памятник Александру II, сооруженный чинами судебного ведомства. О печальных обстоятельствах, сопровождавших открытие памятника, может дать понятие статья, появившаяся в этот день в *«Московских Ведомостях»*. Усмотрев на белом мраморе изваяния «кровавые пятна», литературный временщик М. Н. Катков, уверенный в своей безнаказанности, имел чудовищную дерзость поставить в вину новому суду эти «кровавые пятна». Воистину то было *saevum et infestum virtutibus tempus!*..

Но обратимся от этой возмутительной картины наглого издевательства над новым судом к светлому времени зарождения его.

II

Торжество открытия судебных учреждений в Москве происходило согласно тому же Высочайше утвержденному церемониалу, какой был соблюден и в Петербурге: 22 апреля, накануне открытия нового суда, было совершено в присутствии министра юстиции Д. Н. Замятина и других высокопоставленных лиц в большой уголовной, ныне так называемой Митрофаньинской (здесь разбиралось известное дело игуменьи Митрофании), зале окружного суда торжественное соборное молебствие с водоосвящением, после которого окроплены были святою водою все помещения нового суда.

На другой день, 23 апреля, происходило в зале судебной палаты торжественное открытие нового суда. Министр юстиции Д. Н. Замятин занял место за особым столом, имея по правую руку и. д. обер-прокурора общего собрания московских департаментов сената П. Н. Зубова, вице-директора департамента Министерства юстиции Б. Н. Хвостова (†). Вокруг стола заняли места: московский генерал-губернатор генерал-адъютант кн. В. А. Долгоруков (†), высшее духовенство, сенаторы. Впереди стола, лицом к министру, поместился новый судебный персонал: председатели и члены московской судебной палаты (из них в настоящее время остался в судебной палате только Ф. В. Вешняков, занимая в течение 30 лет ту же должность члена палаты)⁷⁷ и окружного суда (в настоящее время в составе суда остался только бывший член суда, М. Н. Лопатин, ныне занимает пост председателя департамента московской судебной палаты, и бывший член суда А. И. Вицын, перешедший впоследствии в сословие присяжных поверенных, ныне председатель московского коммерческого суда) и прокурорского надзора (в составе прокурорского надзора находится бывший в 1866 г. тов. прок, окружного суда Ф. М. Громницкий, перешедший впоследствии в адвокатуру, а ныне товарищ прокурора судеб-

⁷⁶ *«Современная Летопись»*, 1865. № 45.

⁷⁷ В течение 25 лет были старшими председателями судебной палаты: Д. В. Поленов (†), А. Н. Шахов (†), В. Р. Завадский и А. Н. Попов; председателями окружного суда Е. Е. Люминарский (†), П. А. Дейер (ныне сенатор угол. касс, департ.), В. Н. Лавров (†), Ф. П. Ивков, Н. В. Давыдов. Прокурорами палаты Д. А. Ровинский (впоследствии сенатор угол. касс, департ.), Ф. Н. Мотовилов (†), А. Н. Манассеин (впоследствии министр юстиции), гр. П. А. Капнист (впоследствии попечитель Московского учебного округа), С. С. Гончаров (впоследствии старший председатель Тифлисской судебной палаты и сенатор), Н. В. Муравьев (впоследствии государственный секретарь, ныне министр юстиции) и Н. П. Посников. Прокурорами окружного суда были Л. И. Ланге (ныне председатель Нежинского окружного суда) (†), Ф. М. Гормницкий, И. К. Жуков (в отставке), В. Н. Лицкой (†), П. Н. Обнинский (ныне в отставке, известный публицист), М. П. Домерщиков и А. А. Макаров.

ной палаты); из других товарищей прокурора: Л. В. Крушинский – присяжным поверенным в Москве, и мировые судьи (из них до сих пор остается в составе мирового института почетный мировой судья: гр. М. С. Ланской (сын известного министра)).

По прочтении Высочайших повелений от 19 марта и 13 апреля 1866 г. об открытии судебных установлений и списка вновь назначенных Высочайшею властью судей, утвержденных Сенатом мировых судей, выбранных Московской городской думою, а также списка товарищей прокурора окружного суда, министр юстиции Замятнин произнес речь, в которой, между прочим, высказал следующее: «Государь Император, – сказал он, – утвердив 20 ноября 1864 г. новые Уставы судопроизводства и судоустройства, соизволил признать Уставы эти соответствующими желанию Его водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных, *возвысить*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.